

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24411/2587-6112-2020-10008>

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СЕТЧАТЫХ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ЭПОХИ БРОНЗЫ – РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ ГАЛИЧСКОГО ОЗЕРА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА БРЮХОВО)

© 2020 г. А.В. Новиков

В статье рассмотрены материалы, полученные при исследованиях городища Брюхово в окрестностях Галицкого озера в 1961 г. Горюновой Е.И. и в 2016–2017 гг. Новиковой О.В., проанализированы комплексы керамики, выделены доминирующие традиции при ее изготовлении и основные признаки, определены особенности формирования начиная с третьей четверти II тыс. до н.э. В эпоху поздней бронзы выделяется сетчатая керамика с традициями предшествующих культур. В финале эпохи бронзы – начале раннего железного века преобладает бедно орнаментированная (только ямками) сетчатая керамика с рябчатым мелкоячеистым (реже крупноячеистым) отпечатком, появляются другие типы – сетчатая керамика с нитчатым отпечатком, штрихованная и заглаженная керамика, орнаментированная ямками или тычками. В VI в. до н.э. поселение входит в ареал ананьинской культурно-исторической области. Материалы с памятника позволяют говорить о смешанном характере культуры поселений окрестностей Галицкого озера с ананьинскими (культура гребенчато-шнуровой керамики) и сетчатыми истоками. К V в. до н.э. завершается культурная трансформация и происходит формирование культурного пространства с новым типом керамики – гибридным, который сохраняется до III/II вв. до н.э.

Ключевые слова: Галицкое озеро, городище Брюхово, сетчатая керамика, эпоха поздней бронзы – ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область.

Территория Галицкого района расположена на северо-востоке центрального района Русской равнины и представляет собой плоскую озерно-ледниковую равнину московского оледенения, на которую наложены более поздние озерные террасы. Географическим центром и доминантой местности является Галицкое озеро ледникового происхождения. Галицкое озеро вытянуто с юго-запада на северо-восток 16,7 км. Наибольшая ширина озера 5,6 км. Озерная равнина сравнительно слабо расчленена речными долинами, местами заболочена, а с южной стороны подпирается высокими холмами мореной гряды.

Микрорегиональная специфика поселенческих памятников в окрестностях Галицкого озера с эпохи мезолита до позднего средневековья такова, что большинство поселений сосредоточено в северо-западной части озерной системы, в месте вытекания из озера р. Вексы, где для расселения сложилась благоприятная ландшафтно-топографическая ситуация. Именно здесь фиксируется наибольшая плотность заселения, начиная с первобытности, и концентрируются поселения с различными историко-культурными традициями. Реже поселения возникают на северном и юго-восточном берегах озера. Всего к настоящему времени в округе Галицкого озера известно более 100 памятников археологии, подавляющее большинство из них – поселенческого

характера (рис. 1). Информация о некоторых памятниках опубликована (АКР КО, 1999, с. 140–168). Впрочем, потенциал рассматриваемой территории огромен, как и перспективы выявления здесь новых объектов культурного наследия в будущем.

В округе Галицкого озера не известны к настоящему времени могильники, оставленные населением ранее эпохи средневековья, сохранились лишь единичные сведения 20-х гг. XX в. о кургане Ожегино, насыпь которого была обложена камнями (АКР КО, 1999, с. 157), культурно-хронологический контекст памятника не выяснен.

Обратим внимание на особенности расположения поселений с сетчатой керамикой вокруг озера. Они, как и большинство памятников других эпох, тяготеют к северо-западной и северной частям озерной системы, редко находятся в юго-восточной ее части (Новиков, 2018, рис. 3). Поселения устраивались на краю первой надпойменной террасы, ее мысовидных выступах и на высоких останцах, близко расположенных к краю террасы и отделенных от нее небольшими овражками, дюнных всхолмлениях в пойменной части, редко возникали на высоком коренном берегу (Городище в Галиче с сохранившимся напольным валом и оплывшим рвом и неукрепленное поселение Лихарево II) или, напротив, в очень низких местах (поселение Умиленье).

С одной стороны поселения были ограничены склоном высокой коренной террасы озера, с другой открывалась акватория Галичского озера или его пойма, в северо-западной части расчлененная р. Вексой. Именно по берегам р. Вексы сосредоточены поселки не только эпохи бронзы - раннего железного века (РЖВ), но и других эпох – мезолита, неолита и средневековья, что говорит об определенной консервативности специфики расселения.

Появление и развитие поселений с сетчатой керамикой – одна из самых интересных, загадочных и малоизученных страниц в истории Костромского края. На современном этапе изучения поселений с такой традицией в округе Галичского озера возникает достаточно много проблем дискуссионного характера, для решения которых при изучении поселений эпохи поздней бронзы – раннего железного века можно ставить следующие задачи: проследить развитие сетчатых керамических традиций, выделить отдельные типы керамики, охарактеризовать признаки, определить ее микрорегиональные особенности и, по возможности, выделить этапы формирования поселений.

К настоящему времени следует говорить о накопившихся пробелах в теме исследования. Решить все вопросы в рамках изучения одного памятника, бесспорно, невозможно, тем не менее, для начала дискуссии обратимся к материалам городища Брюхово, которое занимает важное место среди поселений с сетчатой керамикой в окрестностях Галичского озера.

Поселение Брюхово «Курган» находится в окрестностях Галичского озера, в северо-западной его части. Занимает останец первой надпойменной террасы правого берега р. Вексы (левый приток р. Костромы, левый приток р. Волги), вытекающей из оз. Галичского, при впадении в нее р. Чеснухи, на правом берегу последней (рис. 2–4). От террасы останец отделяется небольшим овражком невыясненного генезиса. Вокруг останца находится заболачивающаяся пойма. Исследование структуры фортификационных особенностей памятника не проводилось, однако рельеф местности позволяет считать поселение естественно укрепленным. Площадка овальная в плане, вытянута с ССВ на ЮЮЗ, размеры в верхней части 30×7–12 м (слегка сужается к югу), высота склонов над уровнем заболачивающейся поймы 6–7 м. Отметки верхней части площадки по Балтийской системе высот колеблются в пределах 106.98–108.82. Поверхность площадки городища плавно понижается с севера на юг. Площадь городи-

ща в верхней части оставляет всего 300 кв. м, с учетом склонов достигает 600 кв. м.

Городище Брюхово известно с начала XX в., здесь неоднократно выполнялись как разведочные работы, так и раскопки. В общей сложности в разные годы исследовано около 200 кв. м культурного слоя городища (Горюнова, 1961а, с. 18; АКР КО, 1999, с. 147; Новиков, 2015а; Новикова, 2017; Новиков, 2018, с. 145).

Впервые раскопки проведены в 1908 г. под руководством В.Н. Глазова. Памятник отнесен им к каменному веку, исследователь отметил, что культурный слой состоит из двух пластов, разделенных углисто-золистыми прослойками; среди найденных вещей В.Н. Глазов упоминает два рыболовных грузила, одно из которых с точечными ямками, орнаментированное пряслице... и др. В 20-е годы XX века, во времена повсеместного расцвета краеведения, обследование памятника проведено Костромским научным обществом по изучению местного края (КНО), в 1927 г. шурфовку выполнил В.И. Смирнов (Отчет КНО, 1928, с. 17; АКР КО, 1999, с. 147; Горюнова, 1961а). В 1956 г. в Ореховском районе (современный Галичский район Костромской области) разведочные работы проводил директор Буйского краеведческого музея М.И. Матасов, который в том числе осмотрел и городище «Курган» у деревни Брюхово, зафиксировал его техническое состояние, собрал находки, среди которых «3 клыка кабана, ... 15 черепков сетчатой керамики», сделал замеры и фотографии (Матасов, 1956, с. 4–7), в 1958 г. он повторно осмотрел городище у деревни Брюхово (Матасов, 1958, с. 1). Работы М.И. Матасова носили характер визуального обследования местности, фотофиксации, осмотра и описания памятников, сбора подъемного материала.

В 1961 г. начинается новый важный этап в археологическом изучении окрестностей Галичского озера, связанный с именем Е.И. Горюновой. Перед Костромским отрядом Верхневолжской экспедиции под руководством Е.И. Горюновой стояла задача обследовать памятники раннего железного века, а также получить хорошо документированный материал для характеристики локального (костромского) варианта памятников дьяковской культуры. Исследования начались с изучения поселения Быки (Пуп), которое Е.И. Горюнова охарактеризовала как раннедьяковский памятник северо-восточной, т.н. костромской группы дьяковской культуры, и предложила датировки, укладывающиеся в начало I тыс. до н.э. (IX–VII вв. до н.э.) (Горюнова, 1961а, с. 13). В этом же году Е.И. Горюновой выполнены и раскопки городища

Брюхово, среди местного населения известно под названием «Курган» (рис. 5–6). Раскопом было изучено две постройки, три очага (под третьим нижним очагом на глубине более 1 м найден железный нож с костяной рукоятью), один из очагов (№2), по мнению автора раскопок, был связан с металлургическим производством, так, рядом найдены обломки глиняных трубок, ручки от льячки. Одна из построек полуземляночного типа, вытянута по направлению запад-восток, расстояние между стенами 5 м. По мнению автора исследований, поселение дважды выгорало, следы пожара зафиксированы в раскопе (рис. 7). Культурный слой – песок серого песка до 0,5 м, ниже – черные углистые прослойки с оранжевыми пятнами горелого песка (рис. 8–9), аналогичные прослойки и линзы отмечал при исследованиях памятника в 1908 г. В.Н. Глазов (Горюнова, 1961, с. 18–24).

Описывая керамику верхних горизонтов, Е.И. Горюнова обращает внимание, что она имеет разнообразные орнаменты в верхней трети сосудов по шейке и плечикам: оттиски шнура в несколько рядов, оттиски шнура ломаной линией, ямки, оттиски гребенчатого штампа (Горюнова, 1961, с. 14–20). Вероятнее всего, наряду с ананьинской и гибридной керамикой РЖВ, обнаруженной в верхних пластах памятника, автором раскопок описывается в т. ч. переотложенная сетчатая керамика эпохи поздней бронзы. Очевидно, что культурные слои поселения сильно перемешаны, выражена их стратиграфическая нерасчлененность, а также сильная смешанность археологических материалов. Отдельные выделенные стратиграфически напластования в нижней части раскопа относятся к объектам (постройки, очаги) (рис. 8), из которых в т. ч. происходили вещи раннего железного века. Керамика ананьинской культурно-исторической области с признаками гребенчато-шнуровой керамической традиции, гибридная и небольшой ряд ранней сетчатой посуды из исследований памятника 1961 г. ранее были опубликованы (Новиков, 2015 а; Новиков, 2018).

П.Н. Третьяков, рассуждая о дьяковском расселении, упоминал городище Брюхово, называя его самым северо-восточным дьяковским поселением, но при этом отмечал, что на нем сильны ананьинско-каргопольские элементы (Третьяков, 1966, с. 149). В свою очередь, Е.И. Горюнова считала, что в целом памятник относится к самому началу I тыс. до н. э. – начальному этапу дьяковской культуры, к ее т.н. северо-восточному (костромскому) локальному варианту (Горюнова, 1961, с. 25; Новиков, 2018, с. 23). На наш взгляд, предложенный хронологический диапазон

для керамики памятника очень узок, и только отчасти может соответствовать времени ее распространения. Очевидно, культурно-хронологический контекст поселения значительно шире. Верхняя дата поселения в целом может быть предложена существенно моложе, вплоть до III/II вв. до н. э. Нижние датировки должны быть сдвинуты до середины II тыс. до н.э. По крайней мере, типологически керамические материалы разделяются, и сетчатая керамика позднего периода эпохи бронзы, как и ананьинского облика, в комплексах посуды памятника присутствует, на этих вопросах остановимся подробнее ниже.

В результате археологических работ 2016–2017 гг. на городище Брюхово, проведенных Костромской археологической экспедицией совместно с Костромским областным отделением Русского географического общества, под руководством О.В. Новиковой на месте грабительской ямы заложен шурф (раскоп) площадью 9 кв. м. На момент исследований в 2016 г. памятник зарос травой и редкими листовыми деревьями (береза), осыпался в ВСВ части, где имела большая яма с оплывшими краями. Площадка памятника была изрыта «чернокопателями», визуальное на поверхности фиксировались следы откопки в виде небольших ямок и больших, достигающих размеров 2,2×3,0 м, которые были зафиксированы и заактированы. Учитывая значительный научный потенциал памятника археологии и наличие следов неоднократного посещения с целью поиска и изъятия археологических предметов, необходимость срочных спасательных археологических работ является на сегодняшний день острой проблемой, осуществляется постоянный мониторинг.

В результате исследований 2016–2017 гг. в шурфе собрана коллекция керамических материалов, укладываемая в широкие хронологические рамки (вторая половина II тыс. до н.э. – конец I тыс. до н.э.). Всего найдено 478 находок из глины, камня, кости и железа, из них 14 – индивидуального облика и 464 – массового характера. Исследования проведены на месте грабительской (кладоискательской) ямы в западной части памятника. Неравномерная глубина грабительской ямы от уровня дневной поверхности составляла от 0,5 до 0,9 м, размеры в плане от 2,27 до 3,0 м, размеры археологического шурфа составили 3×3 м (Новикова, 2017).

Культурный слой на месте проведенных исследований (яма частично нарушила культурные напластования) достаточно однородный и представлен серой золистой супесью с серо-желтым пестроцветом песка, в нижней

части залегает серо-желтая золистая супесь пестроцвет с пятнами желтого песка и светло-серая золистая супесь с пятнами желтого песка (рис. 10–11). Границы между слоями не выражены, очень размытые. На уровне материковой поверхности (желтый песок) зафиксированы две ямы (рис. 12). Мощность культурных отложений на исследованном участке максимально достигает 157 см (Новикова, 2017).

Почвенные исследования проведены д.г.н., ведущим научным сотрудником Института географии РАН А.А. Гольевой¹. Выполнены морфологический и микробиоморфный анализы, результаты которых кратко осветим ниже. Почвообразующие породы останца, отделенного от первой надпойменной террасы оврагом неясного генезиса – пески. Современная растительность – луг с редким лиственным лесом. Осуществлен отбор проб и описана южная стенка шурфа из археологических исследований О.В. Новиковой (рис. 13). Сверху 0–30 см представлен рыхлый серый перемешанный слой. Переход к следующему слою ровный линейный, заметный по плотности. 31–65 см – культурный слой неоднородного цвета: наблюдается чередование крупных темно-серых и бурых пятен. Бурые пятна, в свою очередь, состоят из мелких комочков темного и светлого цветов. Есть крупные древесные корни. Нижняя часть слоя имеет более однородный и темный цвет по сравнению с верхней, где преобладают бурые тона. Переход к следующему слою неявный, диффузный. 65–87 см – цвет слоя неоднородный, но доминируют серовато-бурые тона. Здесь, как и в предыдущем слое, наблюдается чередование темных и светлых бурых пятен (включений). Много червоходов и кротовин с заполнением из вышележащего темного слоя. Переход к следующему слою (горизонту) резкий, неровный, заметный по цвету. 87–92 см маломощный серый прослой (горизонт), резко граничащий с буровато темно-серым материалом заполнения культурного слоя над ним. Нижняя граница слоя местами имеет конусовидный рисунок с расширением в верхней части, что типично для отпечатков корней лиственных деревьев. Переход к следующему горизонту резкий, неровный, хорошо заметный по цвету. 92–110 см – однородный бурый песок материнской породы.

В результате исследований А.А. Гольевой сделаны предварительные выводы, что в начальный период рассматриваемый участок имел лугово-лесной растительный покров.

¹ Автор выражает огромную благодарность А.А. Гольевой за проведенные почвенные исследования на памятнике

Поскольку в вышележащих слоях следов корней и иных признаков древесной растительности нет, то можно уверенно говорить, что приход людей сопровождался вырубкой деревьев, расчисткой территории. Относительно однородное заполнение культурных слоев различных временных интервалов (эпоха поздней бронзы и ранний железный век) позволяет предположить схожий характер их формирования. Толща однородна. Граница между культурными слоями не выражена, что может быть связано с постоянным проживанием людей на территории городища, т.е. не было длительных периодов запустения (Новикова, 2017, приложение Б).

Микробиоморфный анализ (*прил. 1*). Остановимся на одном весьма интересном моменте. А.А. Гольева делает любопытное предположение, что в яме №1, где зафиксировано большое количество фитолитов культурных злаков, имелось что-то наподобие деревянного короба, древесина которого могла быть проложена (проконопачена) мхом. Стебли тростника могли использоваться в качестве перекрытия. Конструкция использовалась для хранения культурных злаков. Яма №1 размерами 84–96×206 см была вытянута по направлению запад-восток, заглублена в материк. Стенки в сечении практически отвесные, дно неровное (рис. 14–15).

Фитолиты культурных злаков часто встречались и в культурном слое. Данные факты, вероятно, могут свидетельствовать о развитии каких-то форм земледелия в среде населения с сетчатой и гибридной керамикой. Наличие практически во всей толще культурного слоя крупного древесного детрита в большом количестве, преимущественно хвойных пород, очевидно, указывает, что предпочтение при строительстве отдавалось материалам из хвойных деревьев.

Археозоологические исследования

В результате исследований памятника в разные годы собрана коллекция остеологического материала. Фаунистические останки из раскопа 1961 г. демонстрируют следующие картину: большинство костных останков принадлежало свинье (56/7), далее в количественном отношении располагаются северный олень (17/3) и крупный рогатый скот (13/2). В меньшем числе представлены кости МРС (4/1), лося (6/1), лошади (4/1), медведя (1/1), лисицы (5/1), куницы (6/2), бобра (6/2) и зайца (1/1). Видовое соотношение костей домашних животных, по определению Цалкина В.И., «отражало специфику животноводства в дьяковской среде» (Горюнова, 1961, с. 25).

В 2017 г. идентификация остеологических останков выполнена к.вет.н., доцентом

ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия» С.В. Барминым, который в заключении отмечает, что представленные на экспертизу кости принадлежат, в основном, молодым, но половозрелым животным, практически все кости от крупных животных подверглись рубленому рассечению на более мелкие фрагменты. Сильную раздробленность костей, полученных при исследованиях, отмечает и Горюнова Е.И. (Горюнова, 1961, с. 21). Видовой состав костей животных, определенный в 2017 г., многим меньше, чем полученный при исследованиях памятника в 1961 г., при этом все кости принадлежит диким животным (лось европейской популяции, свинья дикая (кабан) и бобр речной). В общей сложности костей лося – 23, дикого кабана – 4, бобра – 3 (Новикова, 2017, приложение В).

Окончательный вывод о преобладании типа хозяйствования жителей поселения Брюхово делать преждевременно, но можно говорить, что охота в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке по-прежнему имела большое значение, вероятно, при появлении и разведении и некоторых видов домашних животных. Состав стада включал крупный и мелкий рогатый скот, лошадей. Очевидно, у жителей поселения складывалось комплексное хозяйство, характерное для лесной зоны, но следует отметить и один важный момент: сложно разделять кости домашних и диких животных в хронологическом порядке и отнести их либо к эпохе поздней бронзы, либо к раннему железному веку, они, как и керамика, происходят из смешанного культурного слоя.

Керамические комплексы.

При проведении исследований памятника в 1961 и 2016-2017 гг. получена представительная коллекция находок из глины, камня и металла. Находки хранятся в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (КМЗ КОК (Костромской музей-заповедник, Костромской областной краеведческий) №18028; КМЗ ВХ (временное хранение) 41/19/1-14; КМЗ ВХ 43/19/1-464).

Коллекция керамики фрагментирована, целых форм сосудов нет. Выделяется сетчатая керамика позднего периода эпохи бронзы, переходного времени и раннего железного века, в т. ч. и керамика ананьинского облика, отдельные фрагменты посуды с бугристой поверхностью и с примесью дресвы в тесте сопоставимы с керамикой раннего средневековья. Всего в обработку попало около 1000 фрагментов измельченной керамики. По верхней части насчитывается 154 сосуда. Анализ

материала позволил выделить несколько групп посуды с различными компонентами.

1. В первую группу выделен комплекс сетчатой керамики позднего периода эпохи бронзы (А-с гребенчатым и ямочным орнаментом; Б-с гребенчатым орнаментом) (рис. 17–19). В эту группу включено 28 горшков, определенных по фрагментам верхних частей. Выделяется плавнопрофилированная посуда горшковидной формы с плавно вогнутой средней по величине шейкой (иногда встречается в форме небольшого раструба) и округлыми или покатыми плечиками (посуда этой формы доминирует); слабопрофилированная с прямой (слегка вогнутой внутрь) шейкой и приспущенными плечиками; профилированная, с отогнутым краем в виде раструба, округлыми выпуклыми плечиками. Край этой посуды округлый, плоский, скошен наружу в виде бортика, редко имеет валикообразный наплыв. В одном случае прослеживается слабовыраженный воротничок (рис. 18: 17).

Поверхность горшков этой группы заглаженная или покрыта сетчатыми отпечатками, чаще мелкоячеистыми рябчатыми, реже нитчатыми (рис. 17: 5). С внутренней стороны поверхность заглажена, иногда на ней фиксируются расчески (рис. 17: 4). Цвет керамики коричневый, темно-коричневый, серо-коричневый и серый. Толщина стенок посуды составляет от 0,2 до 0,8 см. Примесь в формовочной массе – песок (80%), органика (12,5%) и дресва (7,5%). Посуда весьма разнообразно орнаментирована. Орнамент чаще всего нанесен по шейке, реже спускается на плечики. Элементы орнамента состоят из оттисков гребенчатого штампа и округлых, чаще всего глубоких, вдавлений (с выпуклинками на обратной стороне), встречаются ямки с «неровными» краями (рис. 17: 3; рис 18: 8, 15, 17). Орнаментальная композиция складывается из наклонных и вертикальных отрезков, однорядного зигзага, горизонтальных линий (часто спаренных), косой решетки, выполненных оттисками гребенчатого штампа, нередко чередующихся с округлыми вдавлениями. Поясок из вдавлений, как правило, наносился на уровне максимального прогиба шейки, второй ряд ямок на плечиках добавлялся нечасто (рис. 17: 6; 18: 12). Редко встречаются неглубокие каплевидные и подтреугольные наколы, нанесенные по шейке и плечикам горшка (рис. 18: 17). Интересна орнаментальная композиция одного плавнопрофилированного сосуда из этой серии. Под венчиком он орнаментирован нарезными наклонными отрезками. Ниже по шейке нарезки отделены от пояска округлых глубоких ямок (в сечении конические) горизонтальной линией из

шнуровых оттисков. Нижняя часть композиции состоит из решетки, выполненной отпечатками гребенчатого штампа, нанесенной по плечикам и верхней части тулова горшка. Замыкают композицию две горизонтальные линии правонаклонных шнуровых оттисков (рис. 18: 11). Шнуровой орнамент известен на атабаевской керамике из Луговской II стоянки (Лыганов, Морозов, Азаров, 2019, с. 56).

Довольно часто украшен и срез, забитый хаотичными мелкими наколами (напоминающими сетчатую поверхность) или орнаментированный в гребенчатой технике (рис. 17: 5; рис. 18: 1, 5, 6, 14, 17). У части горшков украшена и внутренняя сторона шейки, как правило, косопоставленными оттисками гребенки (рис. 17).

Такая посуда из городища Брюхово является типичной сетчатой керамикой эпохи поздней бронзы, однако есть и ощутимые различия: в частности, на ней нет широких зональных орнаментов, блюдцеобразных венчиков как на ранней сетчатой керамике. Орнамент покрывает шейку горшка практически полностью, на плечики спускается реже. Определяется в отдельных мотивах орнамента на керамике из городища Брюхово и восточный след.

Мотивы орнамента, выполненные гребенчатыми оттисками (косопоставленные оттиски, образующие пояс, зигзаги), вероятно, продолжают фатьяноидную традицию и к ней восходят. Еще одной особенностью ранней сетчатой керамики из городища Брюхово, связанной с традицией предшествующих культур, является орнаментация внутренней стороны шейки сосудов гребенчатыми косопоставленными оттисками (рис. 17). Также у горшков, украшенных с внутренней стороны гребенчатыми оттисками, можно выделить и морфологические особенности формирования верхней части, восходящие к фатьяноидным (или чирковским) древностям. Прослеживается некий дериват венчика, который имеет форму раструба, только более маленького и со сглаженным внутренним углом, в отличие от четкого, довольно острого, внутреннего угла на месте перехода венчика к тулову на фатьяноидной керамике. Таким образом, происходит выработка несколько иного, нового стиля при формировании отогнутого наружу венчика на сетчатой керамике. Обратим внимание, что небольшой процент ранней сетчатой керамики содержит органическую примесь в формовочной массе, которая характерна для фатьяноидной керамики, распространенной в данной местности.

Ближайший известный памятник с пористой профилированной керамикой в окрестностях озера - это Галичская стоянка (Туров-

ское поселение, «Заячья горка») (коллекция КМЗ КОК 15391 - исследования Костромского научного общества под руководством Смирнова В.И., 20-е гг. XX в.). Керамика, представленная в указанной коллекции, профилированная, с отогнутым наружу раструбным венчиком, реже с т.н. желобчатым, с примесью органики в формовочной массе. Два сосуда орнаментированы с внешней и внутренней сторон венчика. Мотивы орнамента состоят из горизонтального зигзага, выполненного гребенчатым штампом, и поясков косопоставленных гребенчатых оттисков. Один горшок с такими же мотивами орнаментирован только снаружи. Встречаются неорнаментированные венчики. По венчику одного сосуда нанесены пояски из мелких каплевидных вдавлений (рис. 16).

На особенности фатьяноидной керамики из Галичской стоянки обращала внимание И.В. Гаврилова, сравнивая ее с подобной керамикой из Федоровского поселения и стоянки Водыш: несмотря на некоторые различия (в частности, на галичской керамике фиксируется сетка из оттисков гребенчатого штампа), керамика из этих памятников близка. Сосуды украшены с внутренней стороны, среди композиций преобладает сочетание горизонтальных поясков косой гребенки и зигзагов. (Гаврилова, 1983, с. 106). На Федоровском поселении и Галичской стоянке появляется фатьяноидная посуда с минеральными примесями (песок, дресва) (Гаврилова, 1983, с. 101, 106).

Присутствует фатьяноидная керамика и на многослойных памятниках в Костромской низине (Гурина, 1963), в окрестностях Чухломского озера (Федоровское поселение) и Сусанинского болота (Водыш) (Гаврилова, 1983, рис. 1-2; Новиков, 2011). Подобная керамика имеется на реке Сулать (Кренке, 2018, рис. 5; Кренке, 2019, рис. 55-57), присутствует на поселении Усть-Рыбежна 2, стоянке Сяберской (Юшкова, 2015, рис. 1), поселениях Модлона, Селище, и вообще имеет большую территорию распространения (Жульников, 2008, рис. 1-3). В рамках настоящей статьи мы не будем останавливаться на вопросах ее развития и характерных особенностях, локальном своеобразии, смешанных традициях и их доминирующих компонентах, гибридных типах, соотношении с керамикой чирковского типа. Эти проблемы, безусловно, заслуживают отдельного внимания, и они неоднократно рассматривались в научных работах (Гаврилова 1983; Гадзяцкая, 1992; Соловьев, 2000; Жульников, 2008; Кренке, 2019; и др.).

Интересен на сетчатой керамике из городища Брюхово мотив в виде косой решетки или

сетки, составленной из оттисков гребенчатого штампа. Такой сюжет в орнаментации керамики на памятниках эпохи поздней бронзы имеет достаточно широкую географию. В частности встречается на поселениях луговской культуры, например, составляет 4,0–5,5% орнаментальных мотивов на Луговской I и II стоянках, в последующее время увеличивается до 14% на комплексах керамики атабаевского этапа маклашевской культуры (Лыганов, Морозов, Азаров, 2019, с. 70–71, табл. 1–2). Отметим только, что исполнение такого мотива на памятниках восточного круга происходит преимущественно в резной технике (Лыганов, Морозов, Азаров, 2019, рис. 11). Можно сказать, что такой мотив вполне типичен для керамики из поселений раннего атабаевского этапа маклашевской культуры, который датируется XIV–XIII вв. до н.э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2019, с. 102, 108).

Продолжая сравнение с синхронными культурными образованиями, акцентируем внимание еще на одном любопытном, на наш взгляд, моменте. Так, имеются некоторые схожие стилистические черты и общие традиции в оформлении верхней части отдельных горшков этого времени из поселений с сетчатой керамикой (с гребенчато-ямочной орнаментацией) Костромского Поволжья, городища Брюхово в частности и памятников атабаевского круга, в особенности расположенных в пределах Марийского Поволжья. Это такие поселения как Сосновая Грива, Кокшамарское II, Ошутьяльское III, Ясачное III, Ахмыловское (Соловьев, 2000, рис. 65–67, 70, 73–75, 77). Сходство проявляется в орнаментации, например – пояски из глубоких ямочных вдавлений, расположенных по шейке сосудов в сочетании с горизонтальными линиями, наклонными отрезками, зигзагом. Выделим и ряд сближающих морфологических признаков – скошенный край, небольшие валики, плавную профилировку верхней части сосуда. На поверхности атабаевских горшков появляются сетчатые отпечатки (Соловьев, 2000, с. 91–92). В то же время, при наличии схожих черт, состав примесей в формовочной массе керамики полностью противоположен. Для атабаевских поселений Марийского Поволжья характерна керамика пористой структуры, которая составляет 88 % (Соловьев, 2000, с. 80), хотя в целом для керамики атабаевского этапа маклашевской культуры вполне характерны и такие примеси как песок и дресва (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2019, с. 102). Такое близкое сходство по ряду признаков керамики на территориально удаленных и разнокультурных памятниках либо случайно, либо говорит о проявлении каких-то связей и

контактов носителей различных культурных традиций – атабаевской маклашевской культуры и культуры ранней сетчатой керамики, с сохранением своих специфичных обособленных культурных ориентиров. О сосуществовании разнокультурных групп населения – носителей «текстильных» и «приказанских» (атабаевской маклашевской культуры) традиций на поселениях Среднего Поволжья уже указывали С.В. Кузьминых и Б.С. Соловьев (Кузьминых, 2001, с. 19–20; Соловьев, 2000, с. 91–92, 96). Дальнейшее взаимодействие между носителями указанных традиций привело к формированию нового облика культуры в Волго-Камье – собственно маклашевского (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2019, с. 108).

Возвращаясь к вопросу орнаментации керамики мотивами косой решетки, отметим, что аналогичный орнамент встречается и на сетчатой керамике из памятников поздней бронзы Восточного Прионежья, в устье р. Водлы. По мнению И.С. Манюхина, такой орнамент на керамике из поселений данного региона находит аналогии в лебяжских и «приказанских» древностях (Манюхин, 1993, с. 87). Аналогичный мотив находим и на посуде из синхронных поселений с сетчатой керамикой в Южном Приладжье – Усть-Рыбежны 2, Изсады, у Старого завода на Олонке (Юшкова, 2015, рис. 8: 1, 3; рис. 15: 7–9, 37; рис. 19: 1, 2, 6). Поселение Усть-Рыбежна 2 датировано серединой – третьей четвертью II тыс. до н.э. (Юшкова, 2015, с. 308). Выделим еще одну особенность: на керамике из этих поселений широко распространен плоский край венчика, реже встречается и округлый, что довольно характерно для сетчатой керамики эпохи поздней бронзы. В Юго-Западном Прибеломорье на поселениях с сетчатой керамикой Сумозеро XV, XVI, Тугунда XI, Бохта II также имеется подобный сюжет в орнаментации сетчатой посуды, при этом такая керамика чаще с прямым (плоским) краем (Жульников, 2005, рис. 130: 3; рис. 131: 17; рис. 135: 1, 12; рис. 136: 1, 10; рис. 138: 4). Распространение сетчатой керамики в этом регионе начинается со второй половины II тыс. до н.э. (Жульников, 2005, с. 33). Мотив косой решетки характерен и для керамики эпохи поздней бронзы, типологически выделяемой из разновременных комплексов сетчатой посуды, из памятников, расположенных по основному течению р. Волги в пределах Костромского Поволжья – городища в Костроме, городища Минское, поселения Ватажка (Новиков, 2019, рис. 6; Новиков, 2015 б, рис. 2).

Близкая по стилю ранней сетчатой керамике из городища Брюхово посуда извест-

на и на поселении Векса I (раскопки Н.Г. Недомолкиной 2007–2008 гг.), но тут есть и серьезные отличия, выраженные в наличии на поселении Векса I представительной коллекции посуды с блюдцеобразным венчиком при наличии керамики с воротничком, плоским и округлым краем. На сетчатой керамике из поселения Брюхово нет т.н. блюдцеобразных венчиков (или т.н. желобчатых), воротничков (только один сосуд имеет край наподобие воротничка) (рис. 18: 17), отсутствуют широкие орнаментальные зоны, не используются при орнаментации «жемчужины», большая часть посуды орнаментирована небогато. Таким образом, учитывая отсутствие ранних признаков на сетчатой керамике эпохи поздней бронзы из городища Брюхово, ее основное распространение на памятнике можно соотносить с третьей четвертью II тыс. до н.э. Небольшой ряд керамики с традициями, близкими фатьяноидной культуре, со сложной орнаментальной композицией (ямки в сочетании с гребенчатыми оттисками), спускающейся на плечики горшка (рис. 18: 8, 11, 16; рис. 19: 2, 4, 9, 13), возможно, получает развитие уже в середине или в самом начале третьей четверти II тыс. до н.э. В орнаментах на керамике из городища Брюхово можно наблюдать и лебяжские черты (рис. 18: 5, 13), только здесь отсутствуют т.н. «глазчатые» ямки, поэтому вполне допустимо изготовление и распространение некоторых видов сосудов этой группы на городище и в четвертой четверти II тыс. до н.э.

Крайне интересным в коллекции керамической посуды выглядит один фрагмент венчика, который заметно отличается от местной керамики рассматриваемого периода - фрагмент сосуда с орнаментированным валиком под венчиком, также орнамент нанесен и по срезу (рис. 24: 1). Это керамика иной традиции, не имеющая аналогов и прототипов в местной среде - типичная посуда общности культур с т.н. «валиковой керамикой», характерной для культур третьего, финального периода Западноазиатской металлургической провинции, который начинается с XIV–XIII вв. до н.э., когда от четверти до половины всей посуды украшалось налепными валиками, которые наносились по венчику, шейке или плечикам сосуда (Черных, 2013, с. 235).

2. Следующая группа керамики самая многочисленная на памятнике и представляет собой единый по стилю и плохо делимый комплекс сетчатой бедно орнаментированной керамики с рябчатыми отпечатками финала эпохи бронзы, переходного периода и РЖВ (рис. 20–23). По фрагментам верхней части насчитывается 52 сосуда этой группы. Разбить

керамику этой группы на какие-то отдельные подгруппы сложно. Поверхность большинства фрагментов – с рябчатыми мелкоячеистыми, как правило, хаотично расположенными отпечатками (93,7%). Редко встречаются мелкоячеистые регулярные отпечатки (1,1%). Процент керамики с крупноячеистыми отпечатками невелик и практически не заметен, доля с хаотичным расположением отпечатка составляет 4,5 %, с регулярным – 0,7%. Отпечатки как четко вдавленные, так и едва заметные подзатертые. Черепки плотные, формовочная масса с примесью песка, иногда добавлена дресва, поверхность из-за этого зачастую шершавая. Толщина стенок такой посуды варьирует от 0,3 до 0,9 см, в среднем 0,5–0,6 см. Цвет керамики от коричневого до серого, темно-серого. Ряд фрагментов с нагаром. В изломе - от серо-коричневых оттенков до темно-серого цвета, встречаются 2-х и 3-х слойные фрагменты. С внутренней стороны посуда, как правило, заглажена, встречается беспорядочная легкая штриховка (расчесы). Стоит обратить внимание на керамику, которая на внутренней поверхности имеет следы четкой горизонтальной штриховки (штрихи глубокие), такая встречается на поселениях Костромского Поволжья с ранней сетчатой керамикой эпохи поздней бронзы – Федоровское, Говядиново (Новиков, 2019, рис. 6: 8), Вознесенское 1, только штрихи на ней несколько шире.

Орнамент на посуде этой группы редок, несложный и представлен различной формы вдавлениями (овальные, каплевидные, округлые, ямки с неровными краями), встречаются подтреугольные наколы (рис. 21: 12). Вдавления как глубокие с выпуклинами на внутренней стороне, так и неглубокие. Построение элементов орнамента рядом - горизонтальное. Как правило, ямки расположены в один горизонтальный ряд по шейке сосуда, редко появляются второй и третий ряды из ямок, спускающиеся на плечики. Иногда ямки сгруппированы по три. По тулову и по краю венчика орнамент очень редок. Край T или Г-образный, плоский, округлый, скошен наружу в виде бортика или гофрированный.

По морфологическим особенностям оформления верхней части выделяется четыре вида посуды. 1. Посуда, напоминающая баночные формы, с прикрытым и слегка приоткрытым устьем, иногда на таких банках намечается легкий изгиб, подчеркивающий шейку. 2. Профилированная посуда горшководной формы: сосуды с хорошо выраженной вогнутой шейкой, выделенным, слегка приподнятым округлым плечом в виде сглаженного ребра. 3. Слабопрофилированные

горшки с цилиндрической прямой (или легким прогибом) шейкой, низкими приспущенными плечиками. 4. Плавнопрофилированная посуда с вогнутой шейкой и округлым плечиком.

В сравнении с первой на посуде этой группы керамики возникают новшества, происходит изменение ряда традиций. При орнаментации горшков появляются неглубокие округлые, каплевидные и вытянутые вдавления, «розетки», чаще применяются ямки с «рваными» краями, иногда ямки группируются по три. Распространяются округлые вдавления меньшего диаметра (рис. 21: 2–3, 7, 10; рис. 22: 13, 15, 16). Пропадают элементы орнамента, выполненные из оттисков гребенчатого штампа. Становятся характерными Т и Г-образные оттяжки края, при этом край хоть и плоскоскошенный, но становится неровным или слегка скошенным наружу. Присутствует ярко выраженное ребристое плечико, в отличие от горшков с ямочно-гребенчатым орнаментом, у которых оно более округлое, плавное. При появлении четко профилированной посуды с выраженным ребристым плечиком превалируют слабопрофилированные формы горшков. Срез орнаментируется гораздо реже.

Важно указать, что традиции сетчатой керамики с гребенчато-ямочным орнаментом сохраняются и фиксируются на части горшков: остаются глубокие ямки, опоясывающие шейку сосуда, но исключаются другие дополнительные элементы орнамента, выполненные гребенчатыми оттисками, на небольшой части горшков сохраняется плоский и округлый край.

Фрагментов от донных частей в коллекции из городища Брюхово обнаружено немного (рис. 22: 1–5). Донные части сетчатой керамики с рябчатými отпечатками представлены следующим образом: плоские с закраиной, плоские с четким углом перехода в стенку, округло-утолщенные. Аналогичные по форме донья встречаются на поселении Ватажка (Новиков, 2015 б, рис. 12–14), в керамических коллекциях из этих памятников наблюдается немало общих черт.

3. Группа керамики с заглаженной поверхностью (гладкостенная) (рис. 24–26). По фрагментам верхней части можно насчитать 33 сосуда. Выделяется часть такой керамики весьма условно: так, в нижней части горшка, с наибольшего расширения по тулову, могут быть нанесены сетчатые отпечатки. Поверхность шероховатая из-за песчаных примесей. С внутренней стороны поверхность горшка заглажена, очень редко подштрихована. Стенок с заглаженной поверхностью в коллекции немного, толщина стенок этой группы керамики от 0,2 до 1,0 см. Встречается тонко-

стенная керамика с органическими примесями в формовочной массе. Цвет керамики - серо-коричневых оттенков, иногда и более темных цветов – до черного. В формовочной массе преобладает минеральная примесь – песок, в т. ч. встречаются фракции крупнозернистого песка (91%), и дресва (5,6%), в редких случаях добавлены органические примеси – 2,2%.

Орнамент на керамике данной группы беден, но выглядит несколько богаче, чем на керамике, поверхность которой покрыта сетчатыми отпечатками (группа 2). Элементы представлены различными вдавлениями округлой, каплевидной и овальной форм. Наряду с глубокими ямками распространяются неглубокие вдавления и появляются тычки (рис. 24: 4; рис. 25: 5, 6, 11; 26: 2). Очень редко на керамику наносятся короткие оттиски гребенчатого штампа. Срез орнаментируется чаще, чем на керамике с сетчатой поверхностью (нарезки, гребенчатые оттиски, хаотично поставленные мелкие, неправильной формы, наколы) (рис. 24: 2–4, 8; 25: 2). Встречаются гофрированные венчики (рис. 25: 8). Для гладкостенной керамики характерен поясok из ямок по шейке горшка. Орнаментальная зона расположена по шейке сосуда, иногда элементы орнамента спускаются на плечики и верхнюю часть тулова (рис. 24: 14, 18; рис. 25: 8, 9, 14; 26: 3).

Найденные фрагменты верхних частей керамики происходят от четко профилированной посуды горшковидной формы с хорошо выраженной вогнутой шейкой, выделенным, слегка приподнятым, округлым плечом в виде сглаженного ребра; плавнопрофилированной с вогнутой шейкой и округлым плечиком; слабопрофилированной с прямой (или легким прогибом) шейкой, низкими приспущенными плечиками. Венчики округлой, округло-утолщенной формы, с небольшим валиковым напылом наружу, плоским краем, с Т и Г-образными оттяжками (при этом край может быть слегка скошен наружу).

В коллекции заглаженной посуды находится и одно плоское дно с закраиной (рис. 26: 5), присутствуют орнаментированные ямками (рис. 26: 1–4) и неорнаментированные стенки (рис. 26: 6–12).

Сохранение специфических культурных традиций керамики первой группы выражается в принципах орнаментации (поясок из глубоких ямок по шейке горшка), в особенностях изготовления края (плоский и округлый). Из новых традиций можно выделить Т и Г-образный край, гофрированные венчики, формирование крутого плечика в виде сглаженного ребра, тычки, вдавления каплевидной формы, при этом глубина многих ямок

становится заметно меньше. При орнаментации посуды чаще всего использовались вдавления, расположенные в один горизонтальный ряд по шейке горшка, при этом другие элементы орнамента отсутствуют. Очень редко наблюдается второй ряд ямок или ямки, сгруппированные по три (рис. 25: 14; рис. 26: 3).

Суммируя данные по комплексам керамики 2 и 3 групп, можно сделать вывод, что в сравнении с посудой 1 группы происходит уменьшение доли орнаментированных зон, изменяются способы орнаментации. Фиксируется упрощение стиля орнамента, присущего для ранней сетчатой керамики, меняется облик. С какими трансформациями в обществе это было связано, пока остается невыясненным. Орнамент прост, и в основном состоит из всевозможных вдавлений, встречаются тычки и наколы, в редких случаях орнаментальная зона дополняется короткими оттисками гребенчатого штампа без построений сложных композиций. В большинстве случаев такая керамика орнаментируется по шейке пояском из ямок, редко элементы орнамента опускаются на плечики. Перечисленные признаки сохраняются на всем протяжении развития подобной посуды, обладающей определенным единообразием. Часто на керамике этих групп начинают проявляться более выраженное утолщение по краю, Т или Г-образные оттяжки с неровными или скошенными наружу краями (во второй половине I тыс. до н.э. такой край имеется и на гибридной посуде с ананьинскими и сетчатыми началами). Присутствуют и гофрированные венчики. На второй план уходит посуда с небольшим отогнутым краем в виде раструба, при всем при этом продолжают сохраняться традиции округлого края.

Венчики из городища Брюхово, характерные для сетчатой керамики эпохи поздней бронзы, как правило, плоские (большинство) или округлые, реже – с небольшим валиковым наплывом или в виде скошенного наружу бортика, именно такие характерны для сетчатой посуды из поселения Келка 3, датированного второй половиной II тыс. до н.э. (Косменко, 1993, с. 67, 72). И.С. Манюхин, выделяя характерные признаки ранней сетчатой керамики, среди таковых называет прямой, округлый, скошенный венчик, при значительном преобладании первого (Манюхин, 1993, с. 90, табл. 2). Такие же венчики типичны для керамики групп 1а–1г, выделяемых М.В. Юшковой на поселении Усть-Рыбежна 2 (Юшкова, 2017, рис. 5, 6). В.С. Патрушев, рассуждая об общих чертах и характерных признаках сетчатой керамики эпохи поздней бронзы, так же

отмечает подобные венчики (Патрушев, 1989, с. 23).

У 2 и 3 групп керамики сохраняются основные формы горшковидных сосудов, представленные в группе 1, однако в отличие от керамики группы 1 на всем протяжении развития (финал бронзового века – ранний железный век) при сохранении посуды с плавным профилем преобладают слабопрофилированные формы. Вероятно, в начале раннего железного века появляются сильно профилированные горшки со сглаженным ребром на плечике и округло-утолщенным валикообразным краем (рис. 20: 16, 31; рис. 24: 9; рис. 25: 4–6, 14). Таким образом, данная керамика является результатом развития сетчатой керамики эпохи поздней бронзы, но имеет ряд значительных отличий, которые позволяют рассматривать ее в качестве отдельного своеобразного культурного типа.

Близкая посуде групп 1–3 из городища Брюхово керамика известна в окрестностях Чухломского озера на поселении Федоровское VII. При раскопках в 1994 г. В.В. Ставицким здесь было получено два комплекса, отнесенных исследователем к культуре «текстильной» керамики Верхнего Поволжья. Автор исследований отмечает, что керамика из этих комплексов достаточно однородна и близка между собой, что может свидетельствовать о незначительном хронологическом разрыве. Примеси минеральные. Срез как на керамике верхнего, так и нижнего горизонтов часто орнаментирован (Ставицкий, 1994, рис. 22–24, 26, 27). Край венчика чаще плоскоскошенный, реже округлый или округло-скошенный. Незначительные хронологические различия между комплексами были обусловлены, на взгляд автора раскопок, только стратиграфическим расположением (Ставицкий, 1994, с. 9). Отметим, что в нижнем, четвертом, пласте имеется сосуд с «жемчужным» орнаментом (такого орнамента в верхнем (втором) пласте нет), имеется и венчик с блюдцеобразным краем (Ставицкий, 1994, рис. 26: 9; 27: 8), а в верхнем (втором) встречается керамика с неглубокими ямками, в т. ч. с неровными краями (Ставицкий, 1994, рис. 23: 3, 5, 8). Типологически керамика распадается на две группы: с орнаментацией, выполненной гребенчатыми оттисками в сочетании с ямками, и только ямочным орнаментом, появляются неглубокие ямки. По-видимому, керамика из поселения относится ко второй половине II – началу I тыс. до н.э.

Керамика, орнаментированная только ямками, характерна и для посуды из поселения Умиленье, расположенного в окрестностях Галичского озера рядом с городищем

Брюхово. Поселение Умиленье М.Е. Фосс первоначально датировала концом II тыс. до н.э. (Фосс, 1947, с. 68), полученные при дальнейших исследованиях материалы позволили ей прийти к выводу, что поселение развивается и в VIII-VII вв. до н.э. (Фосс, 1949, с. 65–66).

Керамика, полученная в ходе раскопок поселения Умиленье «Пески» в 1927 г. В.И. Смирновым (отчет КНО, 1928, с. 18), достаточно однородна (КМЗ КОК 15413). Орнамент только ямочный (вдавления округлой, подромбической, подтреугольной форм), часто встречаются ямки с неровными краями. Ямки расположены в один или в два горизонтальных ряда, реже в три. На поверхности горшков преобладают мелкочаеистые рябчатые отпечатки. Часто украшен срез. В коллекции преобладают слабопрофилированные формы горшков, в меньшем количестве представлена профилированная посуда с выраженным плечом. Венчики, как правило, скругленные или плоские, встречаются с небольшими Г-образными наплывами. Для горшков характерно плоское дно с закраиной. Выделим важный момент: на сетчатой керамике из поселения Умиленье еще можно встретить дериват блюдцеобразного венчика, однако венчик такого типа не столь выраженный (желобок неглубокий) как на ранней сетчатой керамике, и неорнаментированный. Традиции оформления края сохраняются, при этом другие ранние признаки утрачиваются, что, вероятно, указывает на ярко выраженную «озерную консервативность» населения.

Отметим, что близкая слабопрофилированная и плавнопрофилированная сетчатая керамика с бедным орнаментом (только ямками) известна на Сулати 1, 2 (Сидоров, 2013, рис. 4; Сидоров, 2015, рис. 5). Аналогичная сетчатая керамика найдена при раскопках 2018 г. на городище Унорож, в южной части памятника (Новиков, 2019, рис. 5). Похожая, орнаментированная ямками, керамика из поселения Усть-Рыбежна 2 М.А. Юшковой выделена в группы 2а и 2б (Юшкова, 2015, рис. 9–11), однако при разделении на группы по характеру орнамента (Юшкова, 2015, с. 285) автор не указывает типы сетчатых отпечатков, характерных для той или иной группы посуды, в связи с чем тип отпечатка остается неясным. Для группы посуды 2 не характерна примесь органики в формовочной массе (Юшкова, 2015, с. 285), как и для керамики групп 2–3 из городища Брюхово, где доминируют минеральные примеси. М.А. Юшкова датирует керамику в пределах третьей четверти II тыс. до н.э. (Юшкова, 2015, с. 308). Отметим, что прослеживается ряд морфологических отличий (в оформлении верхней части

сосуда) посуды из поселения Усть-Рыбежна 2 от керамики из городища Брюхово, также на керамике из городища Брюхово не так часто появляются второй и третий ряды ямок.

Сложно разборная керамика групп 2–3 из городища Брюхово близка по стилю посуде как с сетчатой, так и с заглаженной поверхностью с Дубровичского I селища, датированного финалом эпохи бронзы – началом РЖВ (Иванов, 2011). Орнамент, профилировка, устройство края практически на всех видах керамики с Дубровичского I селища однотипны. Беднота орнамента, представленного вдавлениями (пояски располагались, как правило, по шейке ближе к краю), слабая профилировка горшков, небольшие наплывы наружу в виде валиков по краю венчиков (Иванов, 2011, рис. 3), округлый край (встречается и уплощенный с небольшими Г-образными оттяжками) (Иванов, 2011, рис. 6) – все это характерно и для керамики групп 2–3 городища Брюхово. В то же время выявляется полная противоположность в характере декорирования поверхности посуды сетчатыми отпечатками: на Дубровичском I селище мелкочаеистые рябчатые отпечатки составляют всего 0,8%, в отличие от городища Брюхово, где они доминируют.

Таким образом, выделим диагностирующие признаки сетчатой керамики из поселения, характерные для эпохи поздней бронзы: мотивы орнамента из оттисков гребенчатого штампа в сочетании с глубокими округлыми ямками, опоясывающими горшок по шейке и иногда спускающимися на плечики; орнамент на внутренней стороне отогнутой наружу (раструбообразной) шейки; плоский, округлый, скошенный в виде бортика край; плавный профиль верхней части, округлое плечо. Для измененной и развивающейся традиции в финале эпохи бронзы и в начале раннего железного века становятся характерны Т и Г-образные оттяжки, гофрированный край при сохранении и округлого, выраженное плечо в виде ребра (в т. ч. сглаженного), ямки с «рваными» краями, как правило, неглубокие, ямки меньшие в диаметре, тычки и наколы. Происходит развитие и доминирование слабопрофилированных форм сосудов с прямой цилиндрической шейкой и слабовыпуклыми плечиками. Датировать керамику групп 2–3 можно поздним периодом эпохи бронзы – началом раннего железного века (XIII/XII–VI вв. до н.э.).

4. Сетчатая керамика с нитчатым отпечатком (группа 4) (рис. 27, 28). В рассматриваемой коллекции такая керамика немногочисленна, выделено всего 6 горшков, среди которых один со стежковым отпечатком. Еще

один горшок с нитчатым отпечатком имеется в коллекции керамики с гребенчатой орнаментацией (группа 1) (рис. 17: 5). Такой тип декорирования внешней поверхности не был характерен для керамической традиции жителей городища Брюхово. Структура нитей мелкая, накладывались они как вертикально, так и горизонтально, или же под углом. Единично представлена керамика со стежковыми отпечатками. С внутренней стороны керамика заглажена. Толщина стенок от 0,4 до 0,6 см, редко достигает (вероятно, в придонной части) 0,8–0,9 см. Цвет фрагментов коричневый, серо-коричневый. Примесь в формовочной массе – песок, дресва. Орнамент на такой керамике представлен только вдавлениями, встречаются подквадратные тычки. Вдавления округлые, как глубокие с выпуклинками на обратной стороне, так и неглубокие. Ямки нанесены по шейке горшка в один горизонтальный ряд, дополнены и вторым рядом, расположенным ближе к плечикам, по плечичку. Мотив орнамента на одном горшке представлен спаренными вертикальными отрезками, составленными из подквадратных тычков, спускающимися практически от края венчика до максимального расширения горшка по тулову. У этого же сосуда орнаментирован срез (рис. 27: 5). Посуда с нитчатым отпечатком – слабопрофилированных форм и четко профилированных с плечом в виде сглаженного ребра, край с Т или Г-образными оттяжками или округло-утолщенный.

Керамика с нитчатым (текстильным) отпечатком и тычками распространяется в переходный от поздней бронзы к раннему железному веку период. Н.А. Кренке считает индикаторами начального этапа раннего железного века именно гладкостенную и текстильную керамику, орнаментированную гребенчатым штампом или тычками (Кренке, 2019, с. 38). Небольшая коллекция нитчатой и гладкостенной керамики (как правило, профилированной, с выраженным плечиком), орнаментированной тычками, собрана на городище Брюхово, она аналогична посуде из селища Царицыно 1, расположенного в бассейне р. Москвы (Кренке, 2019, рис. 66, 67). Надо признать, что традиция орнаментации посуды тычками не имеет местных корней, и, очевидно, следует говорить о ее появлении на памятнике в результате контактов, происходивших в переходный этап и в начале раннего железного века.

Итак, группа сетчатой керамики с традициями предшествующих культур и признаками, характерными для сопредельных синхронных культурных образований эпохи поздней бронзы (стиль орнаментации, морфологические

особенности верхней части, выраженные в плавной профилировке), датируется начиная с середины – третьей четвертью II тыс. до н.э. Близкая керамика известна на поселениях Костромского Поволжья Говядиново и Ватажка, городищах Минском и в г. Костроме (Новиков, 2015б; 2019). Сетчатую керамику слабопрофилированных и профилированных форм со сглаженным ребром по плечичку с рябчатыми (доминирующие) и нитчатыми отпечатками с простым ямочным орнаментом (как правило, это пояс по шейке), вероятно, следует отнести к финалу эпохи бронзы – началу раннего железного века. Керамика с крупночешуйчатым рябчатым отпечатком на поселениях Верхней Волги (Плещеево III) фиксируется уже в X/IX вв. до н.э. Вторая радиоуглеродная дата, которую имеет данная керамика, также полученная с этой стоянки, указывает на VII/VI вв. до н.э. (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 31). Таким образом, по известным сейчас данным, распространение такого типа керамики с крупным рябчатым отпечатком укладывается в первую половину I тыс. до н.э.

Такой достаточно простой по стилю орнаментации облик сетчатой керамики, отмечающийся на протяжении нескольких столетий, меняется начиная с VI в. до н.э., в это же время происходят и морфологические изменения (Новиков, 2018), хотя характер обработки средней и нижней частей тулова горшка по-прежнему восходит к традициям сетчатой керамики с мелкочешуйчатой и крупночешуйчатой рябчатой поверхностью, а донные части продолжают традицию плоского дна с закраиной. Впрочем, такая скудно орнаментированная сетчатая керамика на всем протяжении развития гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной посуды вполне вероятно также оставалась в обиходе жителей на некоторых поселениях Костромского Поволжья, что может увеличивать и без того немалый хронологический отрезок ее бытования (XIII/XII–III/I вв. до н.э.). Верхние и нижние границы распространения сетчатой и заглаженной керамики в окрестностях Галичского озера, на поселении Брюхово в частности, пока размыты и требуют уточнений.

По схожей сетчатой керамике из Минского городища имеется дата АМС 2775±35, calBC 1005–836. Типология VII–V, типологическое датирование выполнено В.С. Патрушевым (Лавенто, 2011, с. 267–268, табл. 2). Полученная дата, на наш взгляд, хорошо согласуется со временем развития керамики подобного облика на городище Брюхово.

5. Штрихованная керамика (группа 5) (рис. 29, 30). Посуда представлена в небольшом

количестве. По фрагментам верхних частей выделено 7 горшков. На поверхности посуды этой группы встречаются штрихи как четко выраженные, так и слабо вдавленные легкие, больше похожие на расчесы. Штриховка наносилась горизонтально, также часто можно встретить и хаотичные, беспорядочные, накладывающиеся друг на друга, взаимопроницающие штрихи, реже – вертикальные. Цвет черепков коричневый, коричнево-серый. С внутренней стороны такая керамика заглажена. Толщина стенок от 0,35 до 0,7 см. Примесь в формовочной массе – песок. Элементы орнамента крайне бедны и представлены округлыми и подромбическими вдавлениями. Встречаются ямки с «рваными» краями (рис. 29: 5), подпрямоугольные и подтреугольные тычки (рис. 29: 2), маленькие в диаметре округлые вдавления (до 0,3 мм) (рис. 29: 7). Подобные мелкие вдавления представлены и на слабоорнаментированной сетчатой керамике (группа 2). Как правило, орнаментировалась шейка, в редких случаях – плечики и верхняя часть тулова горшка. Наиболее характерный стиль орнамента – это пояс из ямок по шейке сосуда. На одном сосуде кроме пояса из ямок по шейке нанесены отрезки гребенчатого штампа (рис. 29: 3). Имеются фрагменты от профилированной посуды со средней по величине вогнутой шейкой и округлым (выпуклым) или ребристым (четко выраженным) плечиком. Край округло-неровный (гофрированный), плоский, с небольшим Т-образным наплывом или слегка скошен наружу.

Таким образом, выделим особенность керамики данной группы, прослеживающуюся в развитии профилированных форм горшков с выраженным крутым плечиком. Штрихованная керамика распространяется на поселениях Костромского Поволжья вместе с посудой второй – четвертой групп, находится с ними в одних слоях и пока может быть датирована в таких же широких пределах, вероятно, ближе к верхним границам (начальный период раннего железного века). Не исключено, и, скорее, весьма вероятно ее развитие и в последующее время, когда на поселениях распространяются комплексы керамики со смешанными культурными традициями – ананьинской и сетчатой керамики VI-III/II вв. до н.э. Так, штрихованная керамика в небольших количествах сопровождает сетчатую на таких поселенческих памятниках Костромского Поволжья как Ватажка, Минское, городище в Костроме, Шунга, Медведки II (Шача) (Новиков, 2015б, с. 79–80; Новиков, 2018, с. 137, 156; Гурина, 1963, с. 142, 152, 174), отметим при этом, что на городищах Минском и

в Костроме она встречается редко (Новиков, 2018, с. 137; Гурина, 1963, с. 174).

Более узкие даты распространения сетчатой керамики разных типов с рябчатым (мелким и крупным) и нитчатым отпечатком, штрихованной и заглаженной посуды, орнаментированной ямками или тычками, на городище Брюхово в настоящее время предложить невозможно. Так же трудно пока определить четкую временную взаимосвязь между распространением этих традиций. Не способствует решению проблемы и значительная перемешанность керамических комплексов в культурном слое городища. Для этого, очевидно, нужны новые полевые исследования.

6. Шестая группа керамики (рис. 31–33). Особый интерес представляет гребенчато-шнуровая, шнуровая ананьинская керамика и посуда гибридных типов. Выделено два этапа развития подобной посуды. Всего насчитывается 28 сосудов этой группы (сосудов первого этапа – 10, второго – 18 единиц). Детально комплекс такой керамики из раскопок памятника в 1961 г. был описан ранее, включая и часть фрагментов сетчатой керамики (Новиков, 2018, с. 53–54). Остановимся только на общих наблюдениях и характеристике такой керамики из исследований 2016–2017 гг.

Цвет фрагментов коричневый, серо-коричневый, в изломе серый. Примесь в тесте – песок (92,3%), реже встречается органика (7,7%). Для керамики обоих этапов развития характерна посуда только плавнопрофилированных форм с вогнутой шейкой и приспущенными, слегка округлыми, плечиками и слабопрофилированными с вертикальной или слегка прогнутой шейкой, низкими плечиками. Край горшков чаще округлый, округло-утолщенный, реже Г-образный (типичен для сетчатой керамики, орнаментированной ямками, и присутствует на керамике второго этапа), слегка скошенный или плоский. На одном фрагменте наблюдается подобие «воротничка» (рис. 31: 5). Внутренняя поверхность заглажена. Внешняя сторона также заглажена, с наибольшего расширения по тулову часть горшков покрыта сетчатыми отпечатками рябчатой структуры. Как правило, участки с сетчатыми отпечатками начинаются по тулову после окончания орнаментальной зоны (наиболее характерны для керамики второго этапа). Орнаменты нанесены по шейке сосудов, редко опускаются на их плечики и верхнюю часть тулова. Толщина стенок составляет от 0,3 до 0,65 см. Орнаментирована керамика вдавлениями чаще округлой формы, редко присутствуют овальные и ямки с «рваными» краями, шнуровыми оттисками и реже – с отпечатками гребенчатого штампа.

Керамика первого этапа (рис. 31). К этой же группе керамики, вероятно, относятся и неорнаментированные заглаженные стенки (рис. 26: 6–12). Следует отметить, что керамика с гребенчато-шнуровой традицией разнообразно орнаментирована. Орнамент зонально-горизонтальный, мотивы составлены из чередующихся элементов, выполненных отпечатками шнура, вдавлениями и отпечатками гребенчатого штампа (рис. 31: 4–10). Орнаментальная композиция главным образом складывается из отпечатков спаренных и сделанных в четыре линии вплотную друг к другу шнуров, при этом они отделены свободным неорнаментированным пространством или другими элементами орнамента, выполненными вдавлениями или отпечатками гребенчатого штампа (рис. 31: 8, 9). Иногда ямки нанесены поверх рядов шнуровых отпечатков (рис. 31: 4, 5, 8). В большинстве случаев отпечатки шнура – с правым наклоном, но имеются и левонаклонные. Присутствуют и мотивы из вплотную расположенных отпечатков одного шнура, дополняемых косо поставленными отпечатками гребенчатого штампа (рис. 31: 3). Встречаются волнообразные отпечатки шнура, больше похожие на двойной зигзаг (рис. 31: 2). Часты элементы орнамента, выполненные отпечатками гребенчатого штампа, среди них наиболее характерными являются однорядный и двойной зигзаг, редко – наклонные и вертикальные короткие отрезки (рис. 31: 1, 3–5, 7–10). Мотивы включают и пояски из ямочных вдавлений, выполненных по шейке, иногда опускающиеся на плечики, ямки здесь чаще глубокие. Имеются и каплевидные вдавления, нанесенные поверх косо поставленных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 31: 10). Срез также орнаментируется косо поставленными отпечатками гребенчатого штампа (рис. 31: 6, 7). На керамике появляются зоны, покрытые сетчатыми отпечатками (рис. 31: 9), начинает выделяться слабопрофилированная посуда, характерная для следующего этапа развития.

Керамика второго этапа (рис. 32, 33). На этом этапе развития (V/IV–III/II вв. до н.э.) керамических традиций с признаками ананьинской культурно-исторической области и культуры сетчатой керамики на городище Брюхово распространяется гибридная керамика с рябчатыми мелкоячеистыми (реже крупноячеистыми) отпечатками, наносившимися по тулову и реже по шейке горшка. Орнаменты заметно упрощаются. По шейке такая керамика орнаментирована горизонтальными рядами шнуровых разреженных отпечатков (в один или в два ряда), дополняемых пояском из ямочных вдавлений. Редко, но появляются

и тройные линии из отпечатков шнура (рис. 32: 9; 33: 6). Шнуровые отпечатки, как правило, с правым наклоном, редко встречаются и левонаклонные (рис. 33: 9, 10). Есть и отпечатки шнура, которые нанесены в виде плавноизогнутых волнообразных линий (рис. 32: 5; 33: 10). Имеются фигуры из шнуровых отпечатков, вероятно, в виде замкнутых овалов (рис. 32: 3). Распространяются неглубокие ямочные вдавления, в отличие от керамики первого этапа. Встречаются ямки, сгруппированные по три и расположенные на плечике (рис. 32: 9). Присутствуют и маленькие в диаметре округлые вдавления (около 0,2–0,3 мм), такие же имеются на штрихованной и орнаментированной только ямками сетчатой керамике (рис. 33: 1–3). Редко на гибридной керамике сохраняются элементы орнамента из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 32: 10; 33: 4). Они, как правило, замыкают композицию и сочетаются со шнуровыми отпечатками и ямками.

Кардинальные изменения в облике материальной культуры городища Брюхово, произошедшие в VI в. до н.э., свидетельствуют о тесном взаимодействии носителей традиций ананьинского и сетчатого мира. При непосредственном участии групп населения культуры гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области и культуры сетчатой керамики на городище Брюхово складывается новый тип керамики – гибридный. Такая керамика достаточно широко распространилась в пределах Костромского Поволжья начиная с V в. до н.э., именно к этому времени завершается культурная трансформация и происходит формирование нового культурного пространства с гибридной керамикой (которую можно назвать «костромским типом»), локализованного в восточной части Верхневолжского бассейна. Первые представительные коллекции подобной керамики были собраны именно на поселениях Костромской низины и округа Галичского озера В.И. Смирновым, М.Е. Фосс, Н.Н. Гуриной, и Е.И. Горюновой (Новиков, 2018). На памятниках, расположенных в бассейне р. Волги, в пределах Ивановского Поволжья (Пеньковское и Серюптинское городище) такая керамика также присутствует (Новиков, 2019, с. 181; рис. 2: 8; Столяр, Хлобыстин, 1963, рис. 4: 1, 4). Вероятно, границы распространения гибридной керамики т.н. «костромского типа» на юго-восток могут достигать места слияния рр. Оки и Волги. В частности, на поселении за Ромодановским вокзалом в г. Нижнем Новгороде подобная керамика найдена Н.Н. Грибовым: профилированный сосуд с небольшим воротничком, с примесью дресвы в формовочной массе,

орнаментированный плотно прилегающими друг к другу шнуровыми оттисками в восемь рядов, которые ограничены мотивами из косо поставленных оттисков гребенчатого штампа. Орнамент нанесен под венчиком, по шейке и спускается на плечики сосуда, украшен и срез (Грибов, 2005, рис. 53). Этот сосуд вероятно с рябчатым отпечатком, которые на посуде раннего железного века из этого поселения доминируют (Грибов, 2005, с. 21). Западнее юго-западнее Костромской низины и окрестностей Галичского озера – области основной концентрации поселений с керамикой подобного типа, можно отметить два памятника, расположенных в бассейне Верхней Волги, на которых подобная керамика так же известна – городище Городок и городище у г. Калязина (Третьяков, 1941, рис. 6, 9; Третьяков, 1966, рис. 43).

В целом, поселения со смешанными культурными традициями (ананьинской и сетчатой), со специфичными местными типами гибридной керамики, отличающимися на отдельных территориях ее локализации, распространяются достаточно далеко к северу от бассейна Верхней Волги, их география широка, о чем упоминалось ранее (Новиков, 2019, с. 186). Все это говорит о формировании особого культурного пространства с гибридной керамикой различных региональных типов на обширных территориях от Прибеломорья до бассейна Верхней Волги, на границе западного ареала ананьинской культурно-исторической области (культуры гребенчато-шнуровой керамики) с сетчатым миром. Таким образом, городище Брюхово является одним из важнейших памятников для построения теории о смешанном характере культуры поселений Верхнего Поволжья с ананьинскими (культура гребенчато-шнуровой керамики) и сетчатыми истоками в VI–III/II вв. до н.э.

Несколько слов скажем о посуде с сетчатой поверхностью, синхронной гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной керамике. На такой посуде продолжается традиция декорирования поверхности мелкочаистыми (реже крупночаистыми) рябчатыми отпечатками, она орнаментируется только вдавлениями, располагающимися, как правило, в один горизонтальный ряд посередине шейки или ближе к краю сосуда, очень редко ближе к плечу добавляется второй ряд ямок. Иногда ямки сгруппированы по три, появляются тычки. Посуда именно такого облика составляет основу в комплексах сетчатой керамики из поселений раннего железного века Костромского Поволжья, сопровождает ее и керамика других типов: с нитчатым отпечат-

ком, штрихованная и заглаженная, орнаментированная только ямками (реже тычками). Заметны и некоторые изменения в сравнении с ранней сетчатой посудой. Так, на керамике появляется выраженное ребристое плечико (профилированные горшки), при этом сохраняются и сосуды с плавным профилем, плавно или слабоогнутой шейкой. Шейка плавнoproфилированной керамики довольно короткая, вогнутая (и переход через плечо к тулову становится более резким), в отличие от ранней сетчатой посуды с длинной и средней по величине плавно вогнутой шейкой. Отметим, что традиция изготовления посуды с выступающим плечиком в виде сглаженного ребра, но менее выраженным (округлым) присутствует на керамике с блюдцеобразным венчиком из поселения Умиленье. В целом же в раннем железном веке получают развитие и доминируют именно слабопрофилированные формы сосудов, при бытовании и профилированной.

Слабо орнаментированная (только ямками) керамика различных типов (группы 2–5): рябчатая (преобладающая), заглаженная, штрихованная, нитчатая развивается в финале эпохи бронзы – раннем железном веке, и известна на большинстве поселений Костромского Поволжья (Новиков, 2018, табл. А1–А6). Она остается практически неизменной на протяжении длительного времени, и является в настоящее время еще слабо изученной. По количественному составу такая керамика на поселении Брюхово явно преобладает над ранней сетчатой керамикой с гребенчатым и ямочно-гребенчатым орнаментом. Важно отметить и то, что керамика разных типов залегает в одних, как правило, сильно перемешанных слоях, и разделить ее стратиграфически не представляется возможным. Механическое смешение находок не позволяет нам определить более узкое время появления и развития отдельных известных типов керамики на городище. Безусловно, количество типов керамики может быть больше. Пока, по-видимому, приходится признать недостаточность источниковой базы XIII/XII–VII вв. до н.э. округа Галичского озера для составления дробной периодизации и выделения более узких хронологических рамок появления и развития отдельных видов керамики. Горюнова Е.И. сделала правильный вывод о наличии на городище Брюхово керамики начала I тыс. до н.э., выделение же и датирование этапов с более твердыми признаками для сетчатой керамики округа Галичского озера еще предстоит выполнить. Пока однозначно можно датировать только керамику 6 группы, которая распространяется в VI–III/II вв. до н.э. Впро-

чем, не должны вызывать возражений и датировки, предложенные для керамики I группы, но верхние границы здесь также нуждаются в корректировке, особенно для керамики, близкие аналогии которой можно найти в лебяжских древностях, а значит, и связывать ее распространение на памятнике следует с последней четвертью II тыс. до н.э.

Далее кратко остановимся на общей характеристике орнаментов, примесей в формовочной массе и типов отпечатков керамики из городища Брюхово.

Орнаменты (рис. 34).

В целом, можно выделить три большие группы керамики по стилю ее орнаментации, хотя в каждой из них имеются и свои особенности. Группы выделены вне зависимости от типов отпечатков и характера обработки поверхности посуды.

Первая группа керамики – с плавным профилем в верхней части, округлым, плоским или скошенным в виде бортика краем, орнаментирована: А) гребенкой; Б) гребенкой и ямками (вдавления глубокие). На ранней сетчатой керамике наблюдаются достаточно интересные мотивы орнаментов, включающие элементы из оттисков гребенчатого штампа (зигзаг, решетка, линии, наклонные отрезки) и ямочных вдавлений.

Вторая группа – это слабо орнаментированная сетчатая с рябчатым и нитчатым отпечатком, заглаженная и штрихованная керамика, распространенная в финале эпохи бронзы – начале раннего железного века. Орнаментирована такая керамика преимущественно ямками (в т. ч. с неровными краями), тычками и наколами (редко сочетающимися между собой на одном сосуде). Ямки образуют пояс по шейке. Редко орнамент спускается на плечики.

Третья группа керамики – с признаками культуры гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области и культуры сетчатой керамики. Отмечается совершенствование стиля орнамента, появляется большое разнообразие мотивов. Орнамент, как правило, нанесен по шейке сосудов, зачастую спускается и на плечики. Элементы выполнены вдавлениями, шнуровыми оттисками и гребенчатыми отпечатками.

Таким образом, на ранней сетчатой керамике из городища Брюхово наблюдается разнообразие мотивов орнамента. Применяются различные способы нанесения элементов (ямочные вдавления, гребенчатые оттиски). Начиная с конца эпохи бронзы – начала раннего железного века происходит изменение стиля орнаментации сетчатой керамики: многие элементы, особенно исполненные

в гребенчатой технике, пропадают, остаются только вдавления. Ямки становятся менее глубокими, края неровными, появляются ямки меньшего диаметра и тычки. С VI века до н.э. картина меняется: возобновляется богатая орнаментация керамики – появляется сочетание элементов, выполненных гребенчатым штампом, шнуровыми оттисками, вдавлениями, но это явление связано с другой традицией и влиянием населения ананьинской культурно-исторической области культуры гребенчато-шнуровой керамики. Выделяется два периода в развитии такой керамики, на заключительном этапе (IV–III/II вв. до н.э.) происходит оскудение стиля орнамента, исчезают многие мотивы, особенно с использованием отпечатков гребенчатого штампа, преобладают разреженные шнуровые оттиски, дополняемые пояском из ямочных вдавлений.

Пока нет ответа на вопрос, с чем же связаны изменения традиций орнаментации сетчатой керамики (от богатой к бедной), произошедшие в финале эпохи поздней бронзы – начале раннего железного века, с какими трансформациями в среде населения с сетчатой керамикой это связано? Подобный облик орнаментированной только ямками сетчатой керамики достаточно узнаваем и распространен в это время на огромных территориях, хотя, конечно, у разных типов керамики имеются и отдельные маркеры. Данный вопрос на примере одного памятника решить невозможно.

Примеси

Большинство фрагментов сетчатой керамики из городища Брюхово имеет в составе формовочной массы минеральные примеси (песок (преобладает), дресва), что типично для такой посуды не только Верхней Волги, но и других регионов, где распространяется сетчатая керамика с рябчатым отпечатком, и подчеркивает достаточную консервативность носителей этой традиции. Выделим пористую сетчатую керамику эпохи поздней бронзы с органическими примесями. Такую традицию формирования формовочной массы, вероятно, следует соотносить с фатьяноидным наследием. В редких случаях органическая примесь появляется и на керамике раннего железного века, связывать это явление стоит с распространением в окрестностях Галичского озера керамики ананьинского типа, для которой она вполне типична. Отметим, однако, что впоследствии население культуры гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области, смешавшись в среде носителей с сетчатой керамикой, также принимает традицию изготовления горшков с минеральными примесями – по крайней

мере, гибридная посуда уже изготавливается с песком в формовочной массе.

Отпечатки

Носители традиций сетчатой керамики из поселения Брюхово были достаточно консервативны, и продолжительное время пользовались одним способом нанесения отпечатков, придерживаясь традиции изготовления посуды с рябчатым мелкоячеистым (реже крупноячеистым), хаотично расположенным, отпечатком на внешней поверхности. Начиная с позднего периода эпохи бронзы и в раннем железном веке (I тыс. до н.э.) такой отпечаток доминировал, другие новые способы при обработке поверхности сосудов, вероятно, воспринимались сложно и не использовались так широко. Характер рябчатых отпечатков на сетчатой керамике не имеет в данном случае четкой и надежной узкой временной привязки и последовательности, но следует принять во внимание сильную их стертость именно на ранней сетчатой керамике и более выраженный рельефный отпечаток на керамике раннего железного века. В разное время на поселении, вероятно в результате контактов с отдельными группами пришлого населения, появлялись другие типы керамики - с нитчатым тонким отпечатком, штрихованная и заглаженная, бедно орнаментированная только ямками или тычками, однако широкого распространения этих типов не произошло. В середине I тыс. до н.э. сказывается влияние керамической традиции ананьинской культурно-исторической области, появляется гибридная посуда.

По характеру обработки внешней поверхности посуда разделяется на следующие группы (здесь не учитывается хронологический порядок):

1. сетчатая керамика с рябчатыми мелкоячеистыми отпечатками, хаотично расположенными или с регулярным построением (70%);

2. сетчатая керамика с рябчатыми крупноячеистыми отпечатками, хаотично расположенными или с регулярным построением (к этой же группе отнесены отпечатки переходных неустойчивых и неясных, сложно разделимых форм) (3,7%);

3. сетчатая керамика со «стежковыми» отпечатками (0,7%);

4. сетчатая керамика с нитчатым отпечатком (1,4%);

5. штрихованная керамика (5,4%);

6. заглаженная керамика (18,8 %).

Первая группа керамики с мелкоячеистыми рябчатыми отпечатками составляет подавляющее большинство – 70 % от всей керамики, из них доля посуды с хаотично расположен-

ными отпечатками достигает 98,8% и лишь 1,2% приходится на мелкоячеистые отпечатки с регулярным построением.

Доля керамики с рябчатым крупноячеистым и сложно определимым отпечатком, а также каких-то переходных трудноопределимых форм составляет 3,7%, из них доля посуды с хаотично расположенными отпечатками – 86,8% и только 13,2% приходится на крупноячеистые отпечатки с регулярным построением.

Доля керамики со «стежковым» отпечатком очень мала – всего 0,7%, немного в коллекции и керамики с нитчатым тонким отпечатком – 1,4%.

Среди сетчатой посуды с декорированной поверхностью (рябчатая с мелкоячеистыми и крупноячеистыми отпечатками, со стежковым отпечатком, нитчатая) мелкоячеистые рябчатые отпечатки явно доминируют, и их доля достигает 92,2%. Встречаются и отпечатки каких-то переходных форм, от мелких к крупным, запутывающие и без того непростую ситуацию в их систематизации. А.С. Сыроватко уже указывал на сложности классификации сетчатых отпечатков рябчатой фактуры, у которых наблюдается и много переходных форм (Сыроватко, 2005, с. 26).

Керамика со штрихованной поверхностью имеет незначительную долю – 5,4% от всего объема. Посуда с заглаженной поверхностью встречается несколько чаще – 18,8%, причем такого рода обработка поверхности горшка характерна как для посуды эпохи поздней бронзы, так и для гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ, но следует отметить, что подобная поверхность характерна для верхней трети горшка, ниже могли наноситься сетчатые отпечатки.

Итак, основу керамического набора из городища Брюхово составляет сетчатая керамика рябчатой структуры с мелкоячеистыми, как правило, хаотично расположенными отпечатками, реже встречается керамика с крупноячеистыми рябчатыми отпечатками и нитчатым отпечатком. Имеется и керамика с заглаженной и подштрихованной поверхностью.

В.С. Патрушев, рассматривая керамику из поселения Брюхово (раскопки Е.И. Горюновой 1961 г.), отнес ее к раннему железному веку и выделил три ее типа - псевдосетчатую, гладкостенную и штрихованную, при этом доля псевдосетчатой - 85,14% (Патрушев, 1989, с. 63), что в целом не противоречит данным по памятнику. По расчетным значениям критерия Стьюдента поселения с комплексами псевдосетчатой керамики эпохи раннего железа В.С. Патрушев объединяет в пять

групп. Памятники внутри каждой группы по расчетным значениям очень близки. Поселение Брюхово по этим показателям объединено с поселениями Курган, Векса I, Ватажка (Патрушев, 1989, с. 65). Следует отметить, что на Вексе I и Ватажке, так же как и на городище Брюхово, имеется сетчатая керамика эпохи поздней бронзы, гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика ананьинской КИО, гибридная посуда, распространена керамика с рябчатым отпечатком (Новиков, 2018, 2019). Присутствуют, конечно, и отличия, о чем уже упоминалось. В частности, на Вексе I распространена воротничковая и с блюдцеобразным венчиком сетчатая керамика, не характерная для поселений Брюхово и Ватажка. С другой стороны, определение в другую группу таких поселений как Станок, Борань выглядит не совсем убедительно, т.к. и там для сетчатой керамики очень характерен рябчатый отпечаток, присутствуют комплексы керамики эпохи поздней бронзы и гибридная керамика с ананьинским и сетчатыми истоками (Гурина, 1961, рис. 11–14, 21, 32, 37; Новиков, 2018). Пока оставим открытыми вопрос по Минскому городищу.

Рябчатые мелкоячеистые отпечатки характерны не только для керамики из поселений восточной части Верхневолжского бассейна в целом, но и для территорий, расположенных севернее, например Посухонья (поселение Векса I). В правобережных районах р. Волги (Ивановское Поволжье) на поселениях (Сахтыш II, Пеньковское городище) также преобладают рябчатые отпечатки, однако в раннем железном веке здесь появляется небольшое количество керамики с рогожными отпечатками, которая не встречается на памятниках Костромского Поволжья. Культурная ситуация в раннем железном веке в этом микрорегионе уже несколько иная.

А.С. Сыроватко, рассуждая о взаимодействии культур в додьяковское время, выделяет на памятниках в Москворечье три синхронные культурные традиции: «Климентовскую», «Каширскую» и некую «Северную» с рябчатой керамикой, которую связывает с Верхневолжским бассейном или даже с еще более северными территориями, при этом вполне справедливо подчеркивает, что их синхронность может объясняться и чисто механическим смешением разнокультурных материалов на памятниках. Учитывая, что ранние даты для древностей «Климентовского типа» приходятся на XII–X вв. до н.э., а время бытования керамики подобного типа может быть определено до середины I тыс. до н.э. (Сыроватко, 2013, с. 370–372), керамика т.н. «Северных» традиций в Москворечье, вполне веро-

ятно, может распространяться в широких пределах XII–V вв. до н.э., не исключая даже, что ее основное бытование и изготовление в Москворечье можно соотнести собственно с дьяковским периодом (Сыроватко, 2013, с. 372).

На поселенческих памятниках восточной части Верхней Волги рябчатый отпечаток доминирует начиная с позднего периода эпохи бронзы, а сохраняется такая достаточно консервативная и свойственная для данного региона традиция декорирования поверхности горшка рябчатым отпечатком явно дольше, чем на памятниках Подмосковья, вплоть до III/II вв. до н.э., но уже начиная с VI в. до н.э. в несколько иных культурных традициях. По-видимому, она могла распространяться и в более позднее время, по крайней мере, надежных дат для фиксации верхних границ ее распространения пока нет. Отметим и еще один аспект: на памятниках Москворечья к настоящему времени не известно гибридной керамики, для которой также типичен мелкоячеистый рябчатый отпечаток наряду с ананьинскими традициями гребенчато-шнуровой керамики. Такая керамика характерна для поселений, развивающихся в V–III/II вв. до н.э. в восточной части Верхневолжского бассейна и в более северных территориях.

Завершая сюжет с отпечатками, обозначим, что на поселениях Костромского Поволжья, на городище Брюхово в частности, при абсолютном доминировании мелкоячеистых рябчатых отпечатков на поверхности сетчатой керамики в какие-то временные отрезки появляются и развиваются несколько иные культурные традиции и типы керамики – сетчатая с нитчатым отпечатком, заглаженная и штрихованная, орнаментированная, как правило, только ямками, хотя встречаются и тычки. Развитие таких традиций не получило широкого распространения в среде достаточно консервативного населения, изготавливавшего керамику с рябчатым (мелким и крупным) отпечатком. О серьезных культурных изменениях можно говорить только начиная с VI в. до н.э., когда на поселениях Костромского Поволжья появляется гребенчато-шнуровая керамика ананьинской культурно-исторической области.

Кроме представительной коллекции керамики, в раскопах на городище Брюхово получена и серия бытовых вещей индивидуального облика – предметы из камня, глины, кости и металла (рис. 35). Среди находок, найденных на памятнике В.Н. Глазовым в 1908 г., упоминаются глиняные грузики (один с точечными ямками), орнаментированное пряслице, зернотерка «жернов» и трубчатая кость со

следами медных окислов (Горюнова, Отчет 1961, с. 18). Достаточно информативная и представительная коллекция каменных предметов (29 шт.) собрана на памятнике О.В. Новиковой (Новикова, 2017). Среди вещей из камня выделяется категория скоблережущих изделий. Кремневые скребки (10 шт.) различной цветовой гаммы (розовато-коричневых, коричневатых-серых, коричнево-темно-серых оттенков), у ряда скребков имеется белая корка кремневого известняка меньшей твердости. Скребки с высокой спинкой, односторонние, со скругленным или прямым рабочим краем (рис. 35: 8–13). Еще два миниатюрных скребка упоминаются в отчете Е.И. Горюновой (Горюнова, 1961, с. 21). Серию предметов из камня дополняет точильный камень в виде обточенного со всех сторон бруска с округлыми неровными краями и продольной выемкой (рис. 35: 7). Весьма вероятно использование этой категории каменных вещей на всем временном промежутке функционирования поселения с сетчатой и гибридной керамикой.

Из железных изделий выделяются ножи. Один железный нож с вогнутым рабочим краем и выгнутой горбатой спинкой найден в 2017 г. (рис. 35: 6). Клинок клиновидного сечения, спинка изогнута в сторону острия, лезвие дугообразное, сработанное заточкой, черешок в виде пластины. Такая форма ножей близка типу III 2Б по А.Х. Халикову и датируется не ранее VI в. до н.э. (Халиков, 1977, с. 144, 148). Есть еще один железный нож, найденный в 1961 г. – с костяной рукоятью, также имеется и одна костяная рукоять без клинка (Новиков, 2018, с. 271, рис. 115: 8; Горюнова, 1961, с. 23). Из железных изделий в отчете Е.И. Горюновой также описывается железная пряжка, обнаруженная на глубине 0,2 м (Горюнова, 1961, с. 21), ее датировки неясны.

Из раскопа 1961 г. Е.И. Горюновой происходят два грузика «дьякова» типа, один из них с точечным орнаментом (Новиков, 2018 с. 270 рис. 114: 3, 4). Важно отметить, что для культуры поселений РЖВ Костромского Поволжья грузики «дьякова» типа не характерны, встречаются редко и только на отдельных памятниках (поселение Борань, городище в Костроме), при этом почти треть из известных к настоящему времени грузиков в регионе происходит именно из городища Брюхово.

Найдена на памятнике и пластина из трубчатой кости с заостренным концом (рис. 35: 12). Вероятно, это заготовка ножа или скобеля, близкие изделия скоблережущего характера имеются на Дьяковом городище (Кренке, 2011, рис. 56–58).

Интересны обнаруженные на городище два керамических диска без отверстий, изго-

товленные путем отбития краев у фрагментов стенок сосудов, в одном случае стенка с сетчатой поверхностью, в другом – с подштрихованной (рис. 35: 4, 5). Форма дисков в виде не совсем правильных кругов, их размеры 3,2×3,4 и 3,5×3,8 см, толщина около 0,5 см. Подобные изделия известны на поселениях с сетчатой керамикой, в частности на Усть-Рыбежна 2, Келка 3, Каукола Риукярви (Косменко, 1993, рис. 7; Юшкова, 2015, рис. 23), только там они имеют отверстия по центру. Такие предметы интерпретируют как заготовки пряслиц, фишки. Отметим, что чаще всего подобные керамические диски находят на памятниках культового характера, Ю.Б. Сериков интерпретирует подобные изделия как предметы, которые являются солярными символами, предполагая, что они в т. ч. могли использоваться в ритуалах, связанных с выплавкой металлов (Сериков, 2011, с. 304–306).

Можно выделить категорию вещей из городища Брюхово, непосредственно связанную с выплавкой изделий из цветных металлов (рис. 35: 1–3). Это обломок глиняной округлой литейной формы для отливки браслетов (рис. 35: 1), некоторое сходство которого обнаруживается с подобными изделиями с Дьякова городища, найденными в погребенной почве (Кренке, 2011, рис. 52). Также отметим фрагмент ручки от глиняной льячки (рис. 35: 2), похожие известны на Троицком городище (Дубынин, 1970, с. 91, табл. 30), где характерны для верхнего горизонта II слоя, а также встречаются на Старшем Каширском, Щербининском и Огубском городищах (Дубынин, 1970, с. 44–45). Верхний пласт V зоны или верхний горизонт II слоя на Троицком городище может быть датирован III–V вв. н.э. (Дубынин, 1970, с. 59). Впрочем, хронология и география таких вещей может быть значительно шире. Необходимо отметить, что в 1961 г. рядом с очагом, который по мнению Е.И. Горюновой был связан с металлургическим производством, также обнаружены керамический диск, обломок пряслица, «обломки глиняных трубок (сопел), обломки глиняных воронок, ручка от льячки» (Горюнова, 1961, с. 22).

При исследованиях городища О.В. Новиковой найдена литейная форма на глиняном диске для изготовления нашивной бляшки (рис. 35: 3), из ожелезненной глины с примесью песка, после обжига коричневого, местами темно-коричневого цвета. Оттиск изделия – в виде диска с рубчатым рельефным краем и четырьмя волнатообразными выступами, в центре – округлый выступ. Размеры формы 4,4×4,2 см, толщина 1,1 см. Судя по контексту, нет оснований для датировки предмета

временем позже конца I тыс. до н.э., однако металлические изделия подобного облика известны и на памятниках в слоях I тыс. н.э. (Щербининское городище, городище в устье р. Сонохты (погребальное сооружение). Близкий аналог оттиснутому на литейной форме изделию присутствует в материалах II (верхнего) слоя верхнего горизонта Щербинского городища (Розенфельдт, 1974, рис. 5: 5). По мнению И.Г. Розенфельдт, большинство украшений, связанных с верхним горизонтом II (верхнего) слоя находит аналогии на памятниках III–V вв. н.э., многие из них хорошо представлены в верхнем слое Троицкого городища (Розенфельдт, 1974, с. 104). А.Ф. Дубынин изделия подобного типа так же датировал в рамках III–V вв. н.э. (Дубынин, 1974, с. 234). Близкая аналогия известна и на городище в устье р. Сонохты (Третьяков, 1941, рис. 31: 4). П.Н. Третьяков сближал такую находку по облику с материалами из памятников пьяноборского круга (Третьяков, 1941, с. 79), в частности, ажурную бляшку, маленькую бляшку и подвеску сопоставлял с материалами поздних пьяноборских могильников, датируя III–IV вв. н.э. (Третьяков, 1941, с. 68). Пьяноборский след в металлических украшениях Верхневолжских городищ находит и Е.И. Горюнова (Горюнова, 1961б, с. 31). Очевидно, в едином хронологическом пространстве с литейной формой следует рассматривать и другие предметы: керамические диски, другие обломки обнаруженных литейных форм в виде трубочек, ручки от льячек. В этом контексте весьма любопытна обгорелая трубчатая кость со следами медных окислов, обнаруженная в 1908 г. В.Н. Глазовым. Как все это согласуется с прочими основными данными по памятнику, пока не совсем понятно, но очевидно, что эта часть находок полностью диссонирует с хронологией керамических комплексов поселения эпохи поздней бронзы – раннего железного века. Также не совсем понятно, с какими обстоятельствами можно связать появление абсолютно иного круга археологических источников в перемешанных слоях поселения эпохи поздней бронзы – раннего железного века, которое явно не

доживает до этого времени и прекращает свое существование в конце I тыс. до н.э.

Сделаем предположение, что площадка памятника вновь обживается в III–V вв. н.э., и, вполне вероятно, становится производственным местом, где происходила выплавка изделий из цветных металлов, по крайней мере, другие находки этого времени, не связанные с этим производством, нам сейчас не известны, отсутствуют и следы бытовой деятельности этого периода. Возможно, что перечисленные выше находки как-то соотносятся со следами пожара (черные углистые линзы и прокаленный (пережженный) песок красного и оранжевого цветов) и очагами со скоплениями обожженных камней, зафиксированных в раскопах В.Н. Глазова и Е.И. Горюновой. На основании изложенного можно сделать предположение о формировании своеобразного локального культурного (сакрального?) пространства на площадке поселения в III–V вв. н.э. Сказать точно, каких конкретных форм и традиций оно было, пока сложно, но очевидно, что при его формировании был использован культурный ландшафт более древнего поселения второй половины II тыс. до н.э. – I тыс. до н.э. Для согласования и конкретизации этих данных необходимы новые полевые археологические работы, без которых этот вопрос остается открытым.

Таким образом, начало заселения памятника происходит в поздний период эпохи бронзы (середина – 3-я четверть II тыс. до н.э.) и связывается с населением, изготовлявшим сетчатую керамику. Вероятно, без особых хронологических разрывов поселение функционирует на финальной стадии эпохи поздней бронзы, в переходное время и в начальный период раннего железного века. Начиная с VI вв. до н.э. поселение включается в систему расселения ананьинской КИО с гребенчато-шнуровой керамикой, здесь появляется гибридная керамика и, очевидно, эти традиции доживают до III/II вв. до н.э. Важный вопрос о статусе памятника в III–V вв. н.э. пока открыт. Площадка эпизодически посещается и в раннем средневековье.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России. Костромская область/Сост. К.И. Комаров; Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: РАН: Восточная литература, 1999. 368 с.

Гаврилова И.В. Фатьяноидная керамика Костромского Поволжья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 1983. С. 101–109.

Гадзяцкая О.С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Камское междуречье) // СА. 1992. № 1. С. 122–141.

Горюнова Е.И. Отчет о работах Костромского отряда Волжской экспедиции 1961а г. // КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК №18028 // ОГБУК «Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 30 с.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: Академия наук СССР, 1961б. 265 с.

Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке на территории Нижегородского района г. Н-Новгорода, в Богородском и Кстовском районах Нижегородской области в 2004 г. г. Нижний Новгород, 2005 // Архив ИА РАН №32582.

Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. № 110. М.; Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 85–203.

Дубынин А.Ф. Щербининское городище // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 198–281.

Дубынин А.Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмоскovie / Отв. Ред. Смирнов К.Ф. М.: изд-во. Наука, 1970. с. 5-98.

Жульников А.М. О фатьяноидной керамике на древних поселениях южного побережья Белого моря // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 413-424.

Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

Иванов Д.А. Керамика эпохи финальной бронзы – начала раннего железного века с Дубровичского 1 селища // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. / От вред. А.В. Энговатова. М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 26–34.

Косменко М.Г. Комплекс эпохи бронзы поселения Келка III на Водлозере в Юго-Восточной Карелии // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Сборник научных трудов МарГУ. Йошкар-Ола. 1993. С. 61–81.

Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы–реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск, 2019. 392 с.: 225 илл.

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Кренке Н.А., Ершова Е.Г., Войцук А.А., Каспаров А.К., Лавриков М.В., Раева В.А. Археологическая разведка в нижнем течении р. Сулаты (к вопросу об изменении ландшафтов и истории хозяйственного освоения региона Заболотского озера в позднем голоцене) // Стоянка Замостье 2 и развитие природной среды Волго-Окского междуречья в голоцене: Коллективная монография / Сост. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский. СПб: ИИМК РАН, 2018. С. 166-184.

Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70-90-х гг. XX в.) // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань: Изд-во “Мастер-Лайн”, 2001. С. 15-29.

Лавенто М. Новые АМС-датировки текстильной керамики Среднего и Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Том I. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 263–272.

Лыганов А.В., Морозов В.В., Азаров Е.С. Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межовской культур в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 38–98.

Манюхин И.С. Поселение с сетчатой керамикой эпохи поздней бронзы в устье р. Водлы на восточном побережье Онежского озера // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Сборник научных трудов МарГУ. Йошкар-Ола. 1993. С. 82–112.

Матасов М.И. Отчет об археологических разведках в Буйском районе Костромской области в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1721.

Матасов М.И. Отчет об археологических разведках в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской области в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1226.

Новиков А.В. Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов // Археология евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. Казань, 2019. №2. С. 179-200.

Новиков А.В. Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2005–2006 гг. // Тверской археологический сборник Вып. 8 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 102–114.

Новиков А.В. Памятники с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века в бассейне Галичского озера // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. II. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Издательство Триада, 2015 а. С. 50–68.

Новиков А.В. Керамический комплекс поселения Ватажка (по материалам раскопок В.И. Смирнова 1925–1927 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных Тверь: Триада, 2015 б. С. 69–86.

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья / Археология Евразийских степей. 2018. №2. С. 7–288.

Новикова О.В. Научный отчет о выполненной археологической разведке в Костромской области в 2016-2017 гг. Кострома, 2017 // Архив Института археологии РАН

Отчет о деятельности Костромского Научного Общества по изучению местного края за 1927 г. (год XVI-й) // Костромское Научное Общество по изучению местного края Кострома. 1928. 45 с.

Патрушев В.С. У истоков Волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. 122 с.

Розенфельдт И.Г. Керамика Дьяковской культуры // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 90–197.

Сериков Ю.Б. Использование фрагментов керамики в хозяйстве и ритуале // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Том I. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 296–316.

Сидоров В.В. Взаимодействие культур позднего бронзового века в лесной зоне Восточной Европы // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2012 г. Ростов, 2013. С. 5–20.

Сидоров В.В. Заболотское озеро. Развитие озерной системы // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. Вып. 11. М.: Институт археологии РАН, 2015 г. С. 10–19

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Труды марийской археол. экспедиции. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.

Ставицкий В.В. Отчет об исследованиях в Чухломском районе Костромской области в 1994 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 12 с.: 48 илл.

Столяр А.Д., *Хлобыстин Л.П.* Городище у дер. Серюпитино // МИА. № 110. М.; Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 227–238.

Сулержицкий Л.Д., *Фоломеев Б.А.* Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Сборник научных трудов МарГУ. Йошкар-Ола. 1993. С. 20–34

Сыроватко А.С. Период финальной бронзы в Москворечье: Состояние источников и проблема их интерпретации // Тверской археологический сборник. Вып. 9. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 360–373.

Сыроватко А.С. Сетчатая керамика селищ Сосновка IV, Мякинино I и ее археологический контекст // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Институт археологии РАН, 2005, С. 26–30.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. / МИА. № 5. М.; Л.: Академия наук СССР, 1941. 367 с.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.

Фосс М.Е. Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК 1949. Вып. XXVI. С. 34–39.

Фосс М.Е. Новые памятники в районе Галичской культуры (раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // КСИИМК 1947. Вып. XVII. С. 63–69.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Чижевский А.А., *Лыганов А.В.*, *Кузьминых С.В.* Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 99–123.

Черных Е.Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. Том I. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.

Юшкова М.В. Памятники культуры сетчатой керамики в Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований: Замятинский сборник. Вып. 4. / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Изд: МАЭ РАН, 2015. С. 278–318.

Информация об авторе:

Новиков Александр Викторович, кандидат исторических наук, заместитель генерального директора ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Россия); kae44@mail.ru, novikov-kostroma@mail.ru

DEVELOPMENT OF TEXTILE CERAMIC TRADITIONS IN THE LATE PERIOD OF THE BRONZE AGE THE EARLY IRON AGE IN LAKE GALICHSKOYE AREA (BASED ON THE MATERIALS OF BRYUKHOVO SETTLEMENT)

A.V. Novikov

The paper concerns the materials obtained during the studies of Bryukhovo settlement located in the vicinity of Lake Galichskoye conducted by E.I. Goryunova in 1961 and O.V. Novikova in 2016–2017, contains an analysis of the ceramic complexes, outlines its predominant manufacturing traditions and its main features, and identifies the characteristics of its formation from the third quarter of the second Millennium BC. The authors distinguish textile ceramics bearing the traditions of the previous cultures in the Late Bronze Age. In the Final Bronze Age - the beginning of the Early Iron Age, poorly ornamented (only pitted) textile ceramics with a speckled finely meshed (more rarely, widely meshed) imprint prevailed, and the other types appeared - textile ceramics with thread imprints, shaded and smoothed ceramics, ornamented with pits or orifices. In the 6th century BC the settlement was included in the Ananyino Cultural and Historical Area. The materials obtained at the site suggest a mixed nature of the culture borne by the settlements located in Lake Galichskoye area

with Ananyino (the culture of comb-cord ceramics) and textile origins. The cultural transformation had been completed by the 5th century BC, and a cultural space with a new hybrid type of ceramics was formed, which existed until the 3rd/2nd centuries BC.

Keywords: Lake Galichskoye, Bryukhovo settlement, textile ceramics, Late Bronze Age - Early Iron Age, Ananyino Cultural and Historical Area

REFERENCES

- Krasnov, Yu. A. (ed.). 1999. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Kostromskaya oblast'* (Archaeological Map of Russia: Kostroma Oblast). Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ., Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Gavrilova, I. V. 1983. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Izyskaniya po mezolitu i neolitu SSSR (Изыскания по мезолиту и неолиту СССР)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 101–109 (in Russian).
- Gadzyatskaya, O. S. 1992. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 122–141 (in Russian).
- Goriunova, E. I. 1961a. *Otchet o rabotakh Kostromskogo otriada Volzhskoi ekspeditsii v 1961 g. (Report on the Activities of the Kostroma Group of the Volga Expedition in 1961)*. Kostroma Museum-Reserve. Archaeology Foundation. Appendix to Catalogue No. 18028 of Kostroma Museum-Reserve (in Russian).
- Goriunova, E. I. 1961b. *Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ia (Ethnic History of the Volga-Oka Area)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 94. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Gribov, N. N. 2005. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke na territorii Nizhegorodskogo raiona g. N-Novgoroda, v Bogorodskom i Kstovskom rajonakh Nizhegorodskoi oblasti v 2004 g. (Report on Archaeological Exploration in the Nizhegorodsky District of Nizhny Novgorod, in the Bogorodsky and Kstovsky Districts of Nizhny Novgorod Oblast in 2004)*. Nizhny Novgorod Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, dossier 32582 (in Russian).
- Gurina, N. N. 1963. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 110. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 85–203 (in Russian).
- Dubynin, A. F. 1974. In Krasnov, Yu. A. (ed.). *D'yakovskaya kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 198–281 (in Russian).
- Dubynin, A. F. 1970. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 156. Moscow: "Nauka" Publ., 5–98 (in Russian).
- Zhul'nikov, A. M. 2008. In *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura (Man, Adaptation, Culture)*. Moscow. (in Russian).
- Zhul'nikov, A. M. 2005. *Poseleniya epokhi rannego metalla Iugo-Zapadnogo Pribelomor'ia (Settlements of the Early Metal Age of the South-Western White Sea Region)*. Petrozavodsk: "Paritet" Publ. (in Russian).
- Ivanov, D. A. 2011. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 26–34 (in Russian).
- Kosmenko, M. G. 1993. In Patrushev, V. S. (ed.). *Finno-ugry Rossii. Pamyatniki s nitochno-ryabchatoy keramikoy (Finno-Ugric Peoples of Russia. Sites with Thread and Speckle Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 61–81 (in Russian).
- Krenke, N. A. 2019. *Drevnosti basseyna Moskvyy-reki ot neolita do srednevekov'ya: etapy kul'turnogo razvitiya, formirovaniye proizvodnyashchey ekonomiki i antropogennogo landshafta (Archaeology of Moskva River Basin from the Neolithic to the Middle Ages)*. Moscow; Smolensk: "Svitok" Publ. (in Russian).
- Krenke N. A. 2011. *Diakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the Moscow River basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Krenke, N. A., Ershova, E. G., Voitsik, A. A., Kasparov, A. K., Lavrikov, M. V., Raeva, V. A. 2018. In Lozovskaya O. V., Lozovski V. M. (comp.). *Stoianka Zamost'e 2 i razvitie prirodnoi sredy Volgo-Okskogo mezhdurech'ia v golocene (Zamostye 2 Site and the Development of the Natural Environment of the Volga-Oka Interfluvium in the Holocene)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 166–184 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2001. In Kazakov, E. P., Valiulina, S. I., et al. (eds.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Kazan State University, 15–29 (in Russian).
- Lavento, M. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (8). Tver: "Triada", 263–272 (in Russian).
- Lyganov, A. V., Morozov, V. V., Azarov, E. S. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 38–98 (in Russian).
- Manyukhin, I. S. 1993. In Patrushev, V. S. (ed.). *Finno-ugry Rossii. Pamyatniki s nitochno-ryabchatoy keramikoy (Finno-Ugric Peoples of Russia. Sites with Thread and Speckle Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 82–112 (in Russian).

Matasov, M. I. *Otchet ob arheologicheskikh razvedkakh v Buiskom raione Kostromskoi oblasti v 1958 g. (Report on Archaeological Exploration in the Buysky District of Kostroma Oblast in 1958)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier 1721 (in Russian).

Matasov, M. I. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Buiskom, Susaninskom i Orehovskom raionakh Kostromskoi oblasti v 1956 g. (Report on Archaeological Exploration in the Buysky, Susaninsky and Orekhovsky districts of the Kostroma region in 1956)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier 1226 (in Russian).

Novikov, A. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 179-200 (in Russian).

Novikov, A. V. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (8). Tver: "Triada", 102-114 (in Russian).

Novikov, A. V. 2015a. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (10). Tver: "Triada", 50-68 (in Russian).

Novikov, A. V. 2015b. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (10). Tver: "Triada", 69-86 (in Russian).

Novikov, A. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2 (in Russian).

Novikova, A. V. 2017. *(Nauchnyi otchet o vypolnennoi arkheologicheskoi razvedke v Kostromskoi oblasti v 2016-2017 gg.). (Scientific Report on the Completed Archaeological Exploration in Kostroma Oblast in 2016-2017.)*. Kostroma. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

1928. *Otchet o deyatelnosti Kostromskogo Nauchnogo Obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja za 1927 g. (god XVI-y) (Report on the Activities of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Region for 1927 (XVI year))*. Kostromskoe Nauchnoe Obshchestvo po izucheniyu mestnogo kraja. Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Region. Kostroma (in Russian).

Patrushev, V. S. 1989. *U istokov volzhskikh finnov (At the Origins of the Volga Finns)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Rozenfel'd, I. G. 1974. In Krasnov, Yu. A. (ed.). *D'yakovskaya kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 90-197 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (8). Tver: "Triada", 296-316 (in Russian).

Sidorov, V. V. 2013. In *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli (History and Culture of the Rostov Land)*. Rostov, 5-20 (in Russian).

Sidorov, V. V. 2015. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 11. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 10-19 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Stavitskiy, V. V. 1994. *Otchet ob issledovaniyakh v Chukhlomskom rayone Kostromskoy oblasti v 1994 g. (Report on the Studies in Chukhlomsky District of Kostroma Oblast in 1994)*. Archive of the Inspection for the Protection of the Cultural Heritage of the Kostroma Region (in Russian).

Stolyar, A. D., Khlobystin, L. P. 1963. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 110. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 227-238 (in Russian).

Sulezhitskiy, L. D., Folomeev, B. A. 1993. In Patrushev, V. S. (ed.). *Finno-ugry Rossii. Pamyatniki s nitochno-ryabchatoy keramikoy (Finno-Ugric Peoples of Russia. Sites with Thread and Speckle Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 20-34 (in Russian).

Syrovatko, A. S. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (9). Tver: "Triada", 360-373 (in Russian).

Syrovatko, A. S. 2005. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 26-30 (in Russian).

Tret'yakov, P. N. 1941. *K istorii plemen Verhnego Povolzh'ia v pervom tysyacheletii n. e. (The History of the Tribes of the Upper Volga Region in the First Millennium AD.)* In Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 5. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Tret'yakov, P. N. 1966. *Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge (The Finno-Ugrians, the Balts and the Slavs on the Dnieper and Volga)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Foss, M. E. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXVI, 34-39 (in Russian).

Foss, M. E. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVII, 63-69 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2019. In *Arheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 99–123 (in Russian).

Chernykh, E. N. 2013. *Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziiskogo mira (Cultures of Nomads in the Megastructure of the Eurasian World)*. 1 Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Yushkova, M. V. 2015. In Khlopachev, G. A. (ed.). *Drevnie kul'tury Vostochnoi Evropy: etalonnye pamiatniki i opornye komplekсы v kontekste sovremennykh arheologicheskikh issledovaniy (Ancient Cultures of Eastern Europe: Reference Sites and Support Complexes in the Context of Contemporary Archaeological Studies)*. Series: *Zamyatninskiy sbornik (Zamyatninsky of Papers)* 4. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 153–181 (in Russian).

About the Author:

Novikov Aleksandr V. Candidate of Historical Sciences, Deputy General Director of LLC "Kostroma Archaeological Expedition" (Kostroma, Russian Federation); kae44@mail.ru, novikov-kostroma@mail.ru

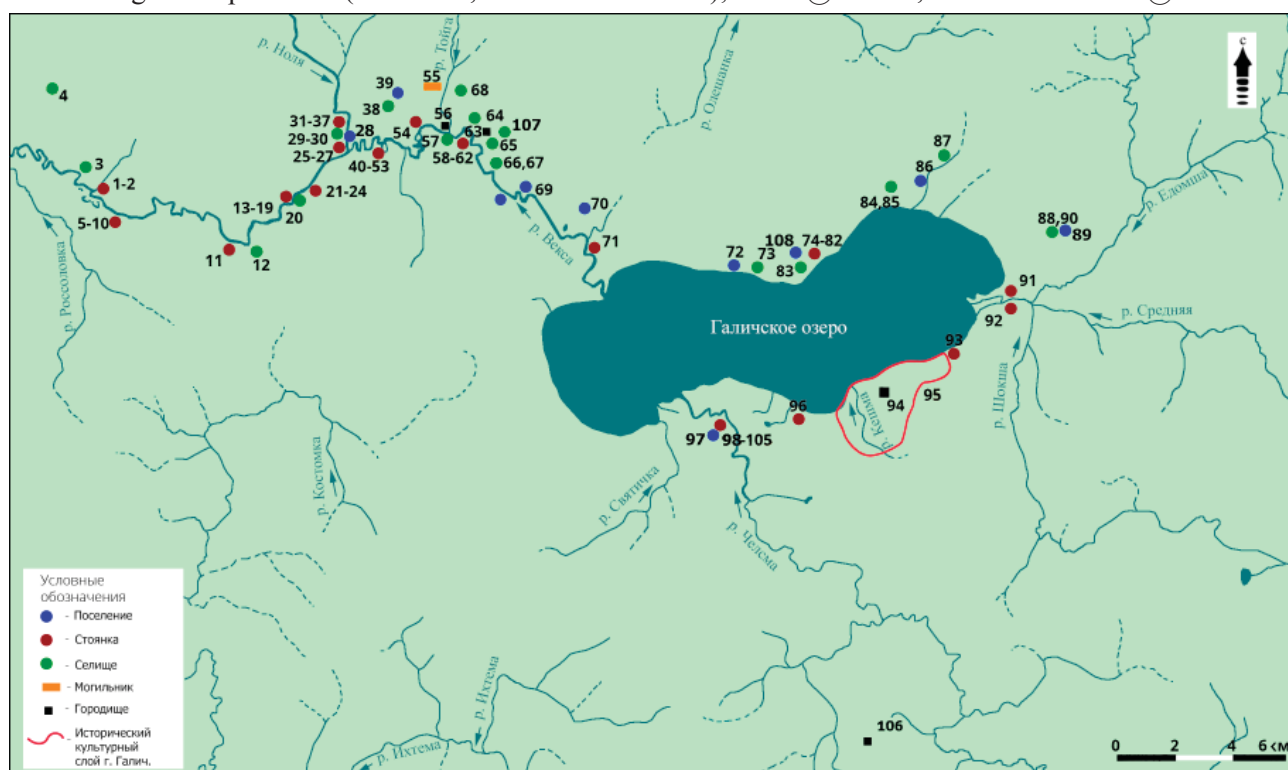

Рис. 1. Археологическая карта окрестностей Галичского озера.

1. Стоянка Щербинино 1, неолит; 2. стоянка Щербинино 2, неолит; 3. селище Щербинино, средневековье; 4. селище Селехово, XVI–XVII вв.; 5–10 – стоянки Березово 1–6, неолит; 11 – стоянка Успение, неолит; 12 – селище Успение, средневековье; 13–19 – стоянки Орехово 1–7, неолит; 20 – поселение у д. Кучумиха, РЖВ; 21–24 – стоянки Кучумиха 1–4, неолит; 25–27 – стоянки Воскресенские 1–3, неолит; 28 – поселение Воскресенское, РЖВ, XII–XIII вв.; 29 – селище Воскресенское, XIV–XVI вв.; 30 – селище между дд. Воскресенским и Починок, средневековье; 31–37 – стоянки Починок, неолит; 38 – селище Боровское, XV–XVII вв.; 39 – поселение Боровское, ПБВ; 40–53 – стоянки Заря 1–14, мезолит; 54 – стоянка Завал, неолит; 55 – курган Ожегино; 56 – городище Унорож, ПБВ–РЖВ, IX–XI, XII–XIV, XV–XIX вв.; 57 – селище Унорож, РЖВ, вторая пол. I тыс. н.э.; 58–62 – стоянки Унорож 1–5, неолит; 63 – городище Брюхово, ПБВ–РЖВ; 64 – селище Брюхово 1, вторая пол. I тыс. н.э., XI–XIII вв.; 65 – селище Брюхово 2, РЖВ; 66 – селище Брюхово 3, I тыс. до н.э., 3–я четверть I тыс. н.э.; 67 – селище Брюхово 4, XI–XIII вв.; 68 – селище Гришино, XVI–XVII вв.; 69 – поселение Вознесенское I, эпоха бронзы–РЖВ; 70 – поселение Вознесенское II (Демьяновское), ПБВ–РЖВ; 71 – стоянка Сырково, неолит; 72 – поселение Быки (Пуп), ПБВ–РЖВ; 73 – селище Быки, XIV–XVII вв.; 74–82 – стоянки Толтуново (Умиленье) 1–9, неолит; 83 – селище Умиленье (Интернат), вторая пол. I тыс. н.э.–нач. II тыс. н.э.; 84 – селище Туровское 1, вторая пол. I тыс. н.э., XI–XIII?, XIV–XVII вв.; 85 – селище Туровское 2, РЖВ; 86 – поселение Туровское (Галичская стоянка, «Заячья горка»), неолит, эпоха бронзы, РЖВ; 87 – селище Барское, XVI–XVIII вв.; 88 – селище Лихарево 1, IX–X, XI–XIII вв.; 89 – поселение Лихарево (селище 2), РЖВ; 90 – селище Лихарево 3, XI–XIII вв.; 91 – стоянка Галич 1, неолит; 92 – стоянка Галич 2, неолит; 93 – поселение у д. Шокша (Бугорки), ПБВ, РЖВ; 94 – городище в г. Галиче (1), РЖВ; 95 – Галич. Исторический культурный слой г. Галича (Галич Мерьский), XII–XIX вв., включая: Нижнее городище (XII–XV вв.), Верхнее городище (XIV–XV вв.), третья крепость «Городовой земляной вал» (XVI–XVIII вв.), селище у телеретранслятора, XIII–XVII вв.; 96 – стоянка Галич 3, неолит; 97 – поселение Челсма, эпоха бронзы–РЖВ; 98–105 – стоянки Челсма 2–9, неолит; 106 – городище Шемякино (Городок), XIV–XVII; 107 – селище Брюхово, XVI–XVIII вв.; 108 – поселение Умиленье, неолит, ПБВ–РЖВ.

Рис. 2. Топографический план городища Брюхово и спутниковый снимок с обозначением городища

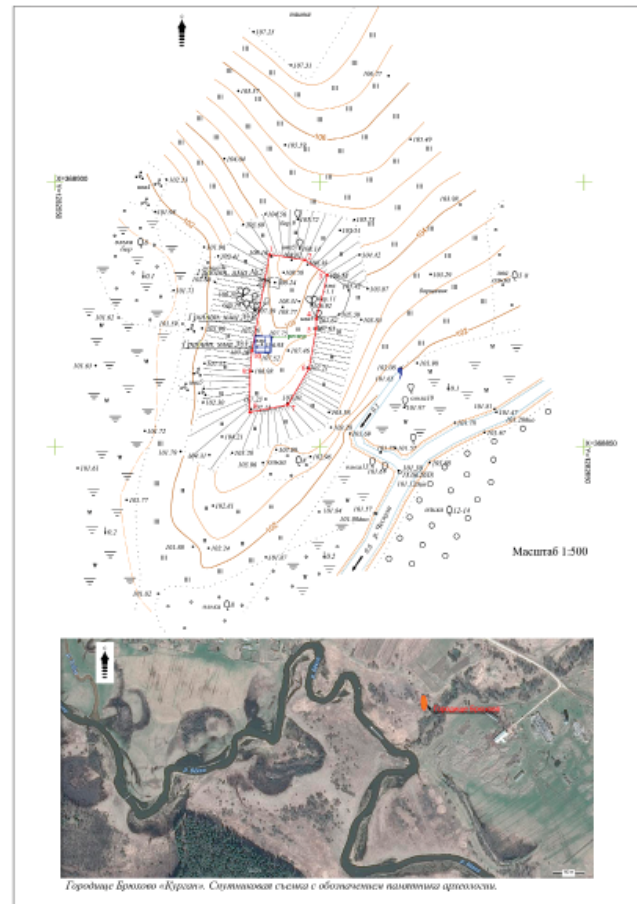

Рис. 3. Общий вид памятника с севера.

Рис. 4. Общий вид памятника с ЮЮЗ.

Рис. 5. Вид на памятник с северо-востока (из отчета Горюновой Е.И. 1961 г.: приложение к КМЗ КОК 18028, из собрания ОГБУК «КГИАХМЗ» г. Кострома)

Рис. 6. Фото. Работы на памятнике в 1961 г. (из отчета Горюновой Е.И. 1961 г.: приложение к КМЗ КОК 18028, из собрания ОГБУК «КГИАХМЗ» г. Кострома)

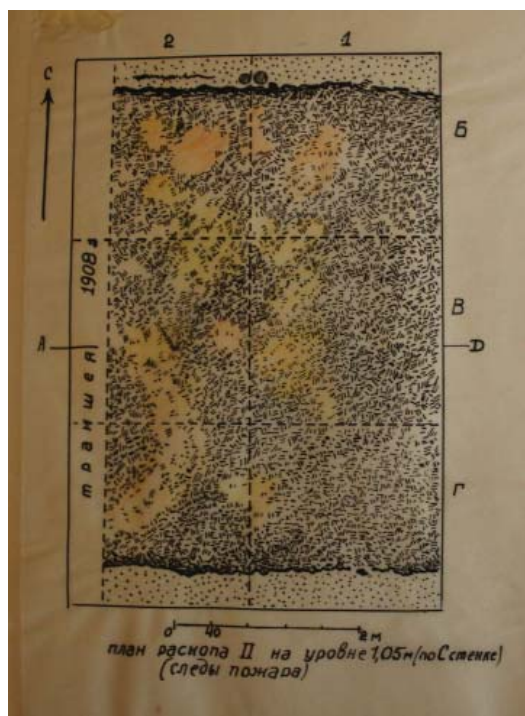

Рис. 7. План раскопа II на уровне следов пожара (из отчета Горюновой Е.И. 1961 г.: приложение к КМЗ КОК 18028, из собрания ОГБУК «КГИАХМЗ» г. Кострома)

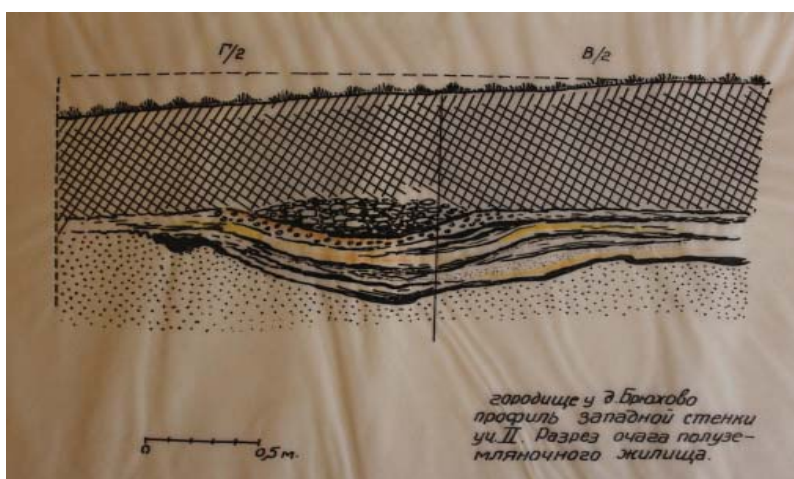

Рис. 8. Стратиграфия. Профиль западной стенки, очаг полуземляночного жилища (из отчета Горюновой Е.И. 1961 г.: приложение к КМЗ КОК 18028, из собрания ОГБУК «КГИАХМЗ» г. Кострома)

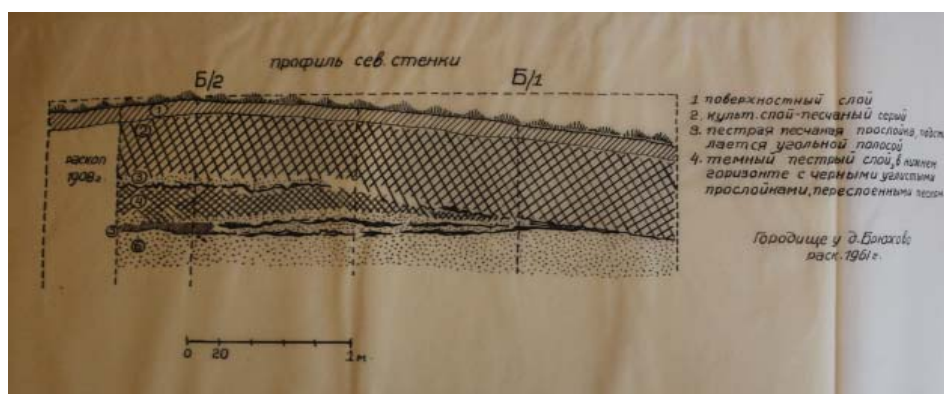

Рис. 9. Стратиграфия. Профиль северной стенки (из отчета Горюновой Е.И. 1961 г.: приложение к КМЗ КОК 18028, из собрания ОГБУК «КГИАХМЗ» г. Кострома)

Рис. 10. Стратиграфия. Профиль южной стенки
(исследования Новиковой О.В.)

Рис.11. Стратиграфия. Профиль западной стенки
(исследования Новиковой О.В.)

Рис. 12. Яма №1,2 в плане (исследования Новиковой О.В.)

Рис. 13. Южная стенка. Места отбора проб. Фото А.А. Гольевой.

Рис. 14. Яма №1. Сечение.

Рис. 15. Яма №1 после выборки заполнения.

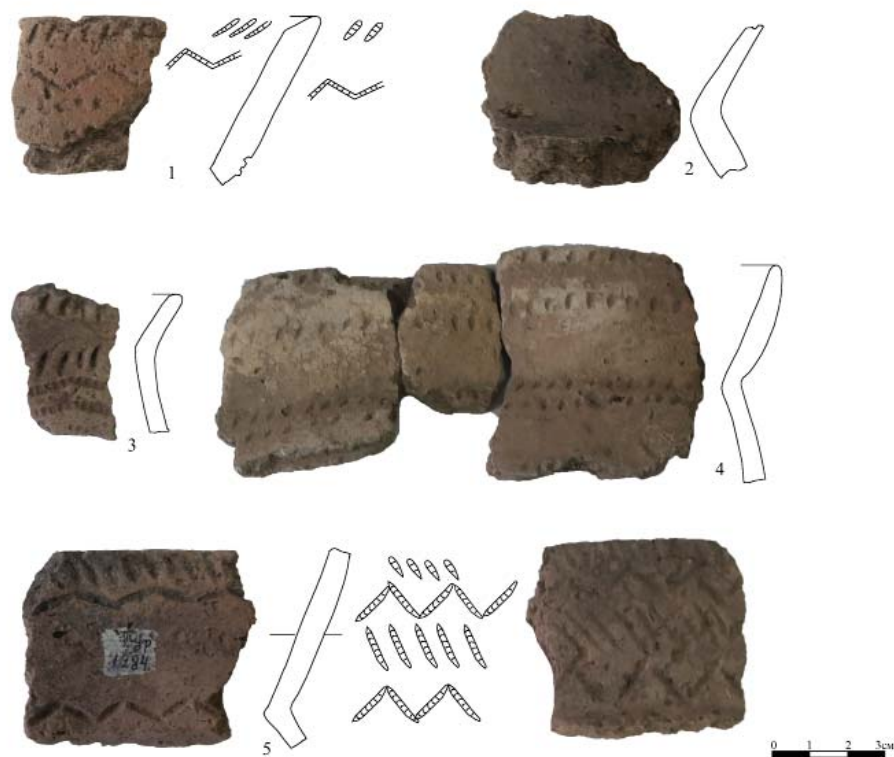

Рис. 16. Фатьяноидная пористая керамика (Галичская стоянка, «Заячья горка»).

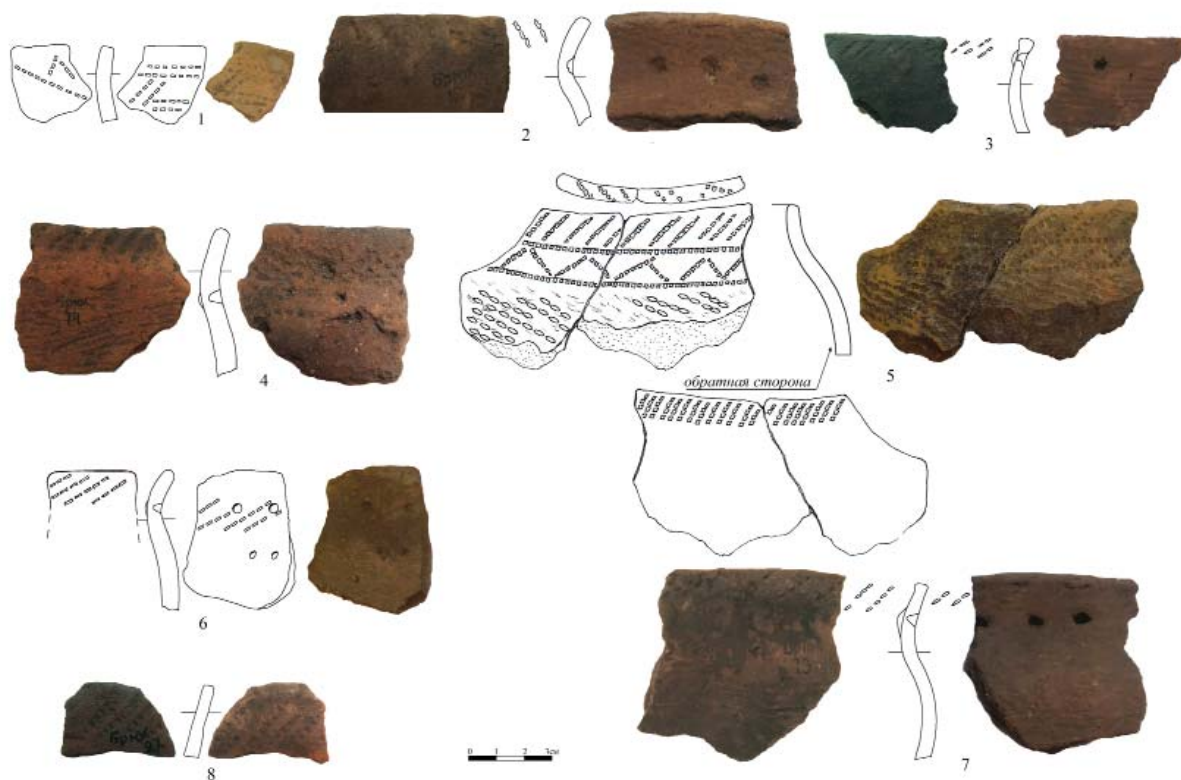

Рис. 17. Сетчатая керамика позднего периода эпохи бронзы, орнаментированная с внутренней стороны

Рис. 18. Сетчатая керамика позднего периода эпохи бронзы с ямочно-гребенчатым орнаментом

Рис. 19. Сетчатая керамика позднего периода эпохи бронзы с гребенчатым орнаментом

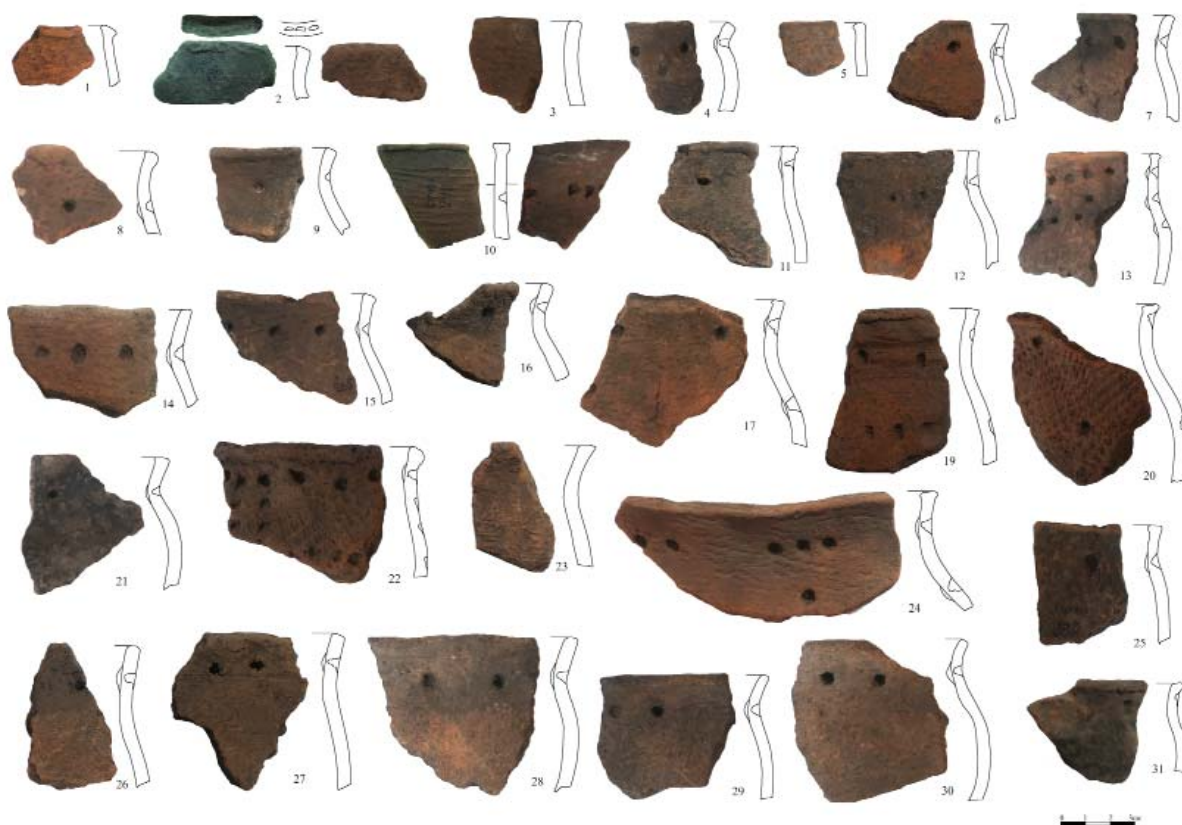

Рис.20. Сетчатая керамика с «рябчатым» отпечатком.

Рис. 21. Сетчатая керамика с «рябчатым» отпечатком.

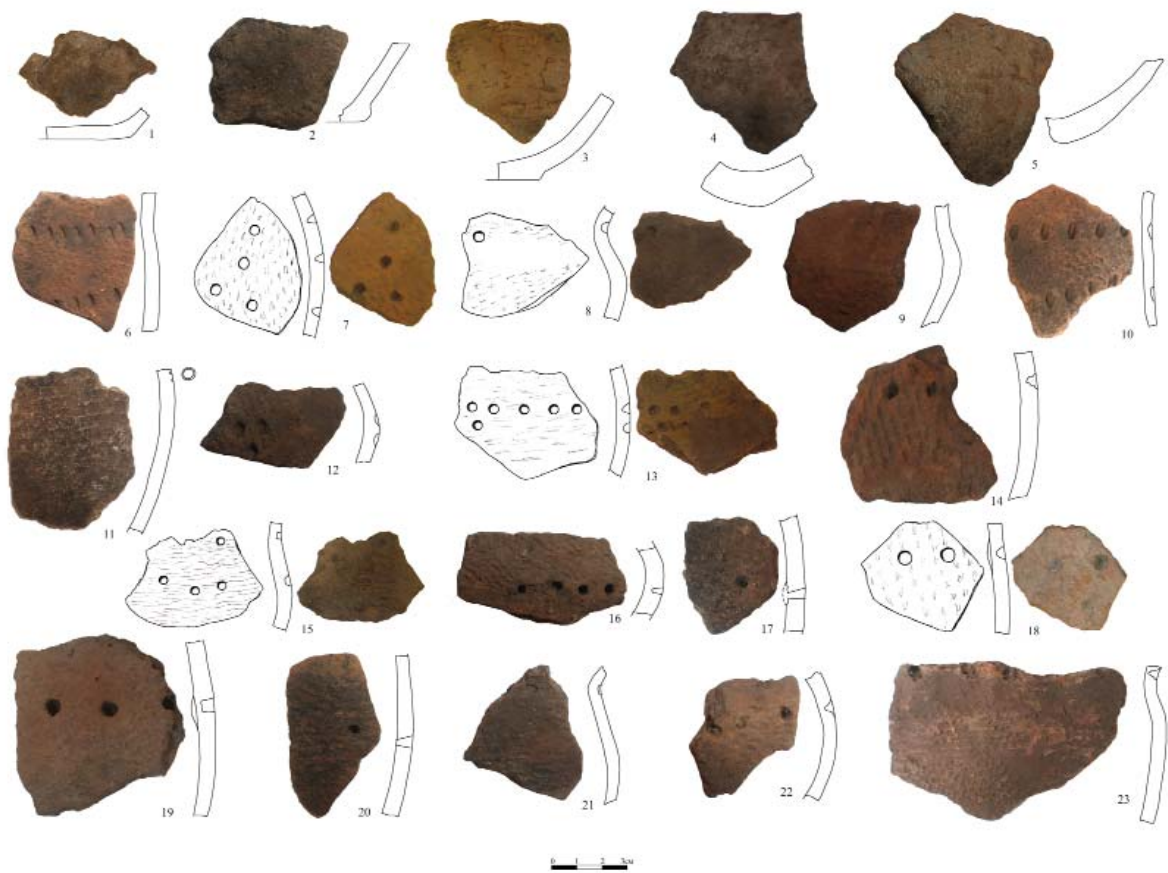

Рис. 22. Сегчатая керамика с «рябчатым» отпечатком.

Рис. 23. Сегчатая керамика с «рябчатым» отпечатком.

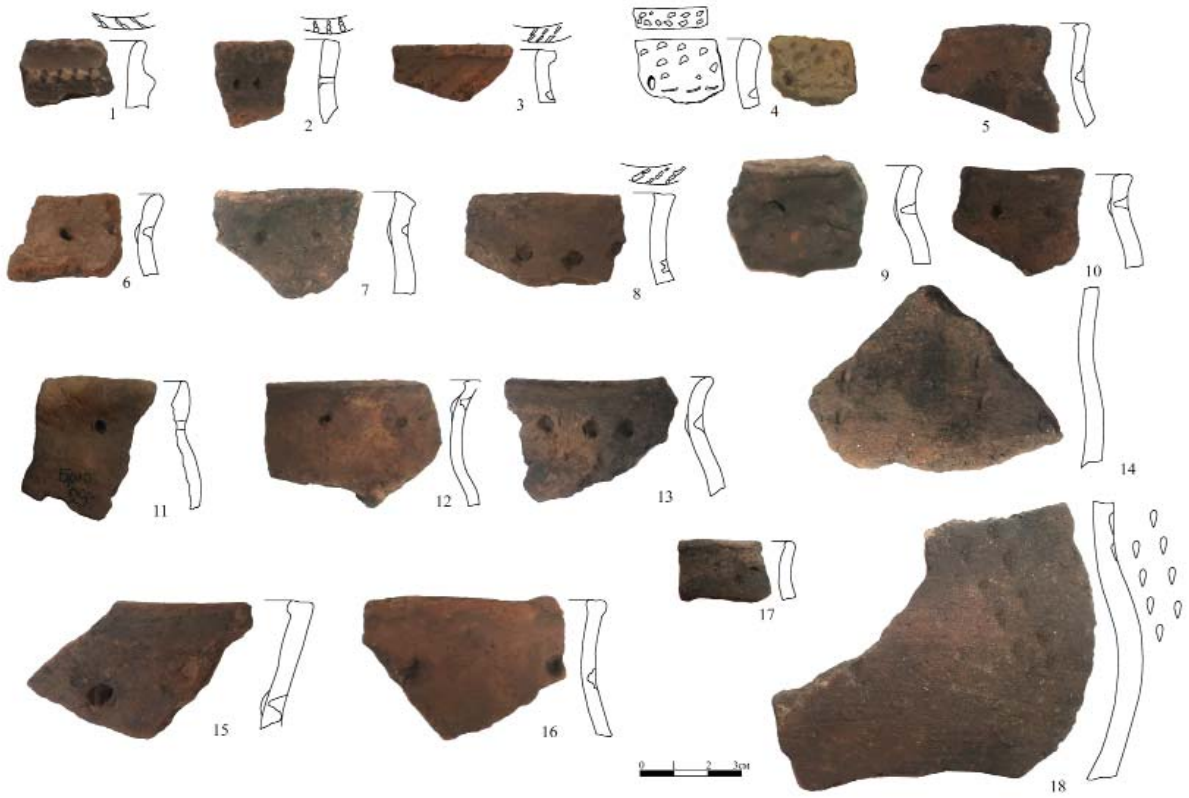

Рис. 24. Заглаженная керамика.

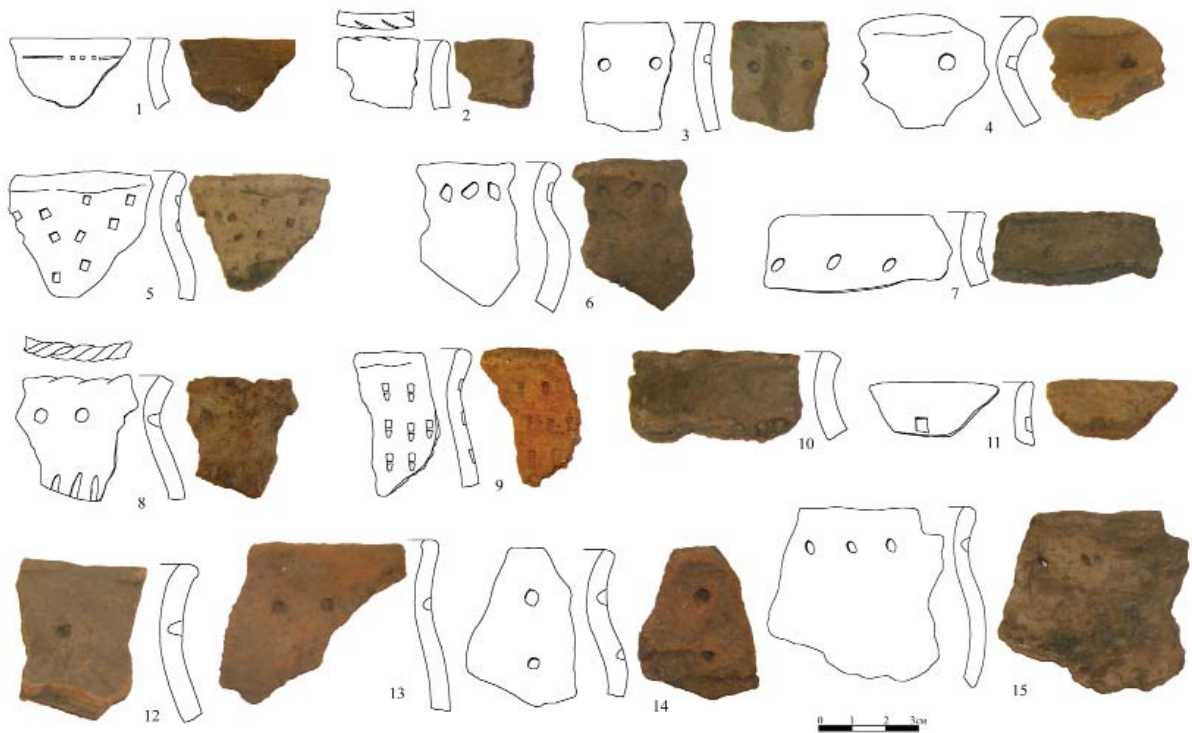

Рис. 25. Заглаженная керамика.

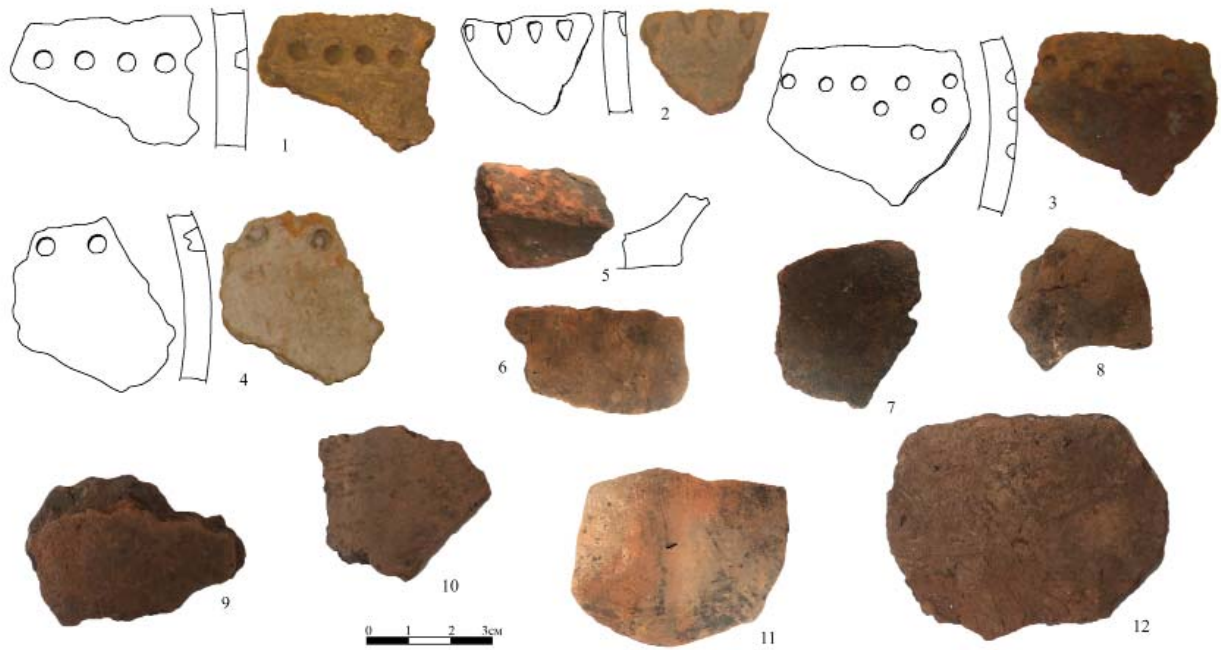

Рис. 26. Заглаженная керамика.

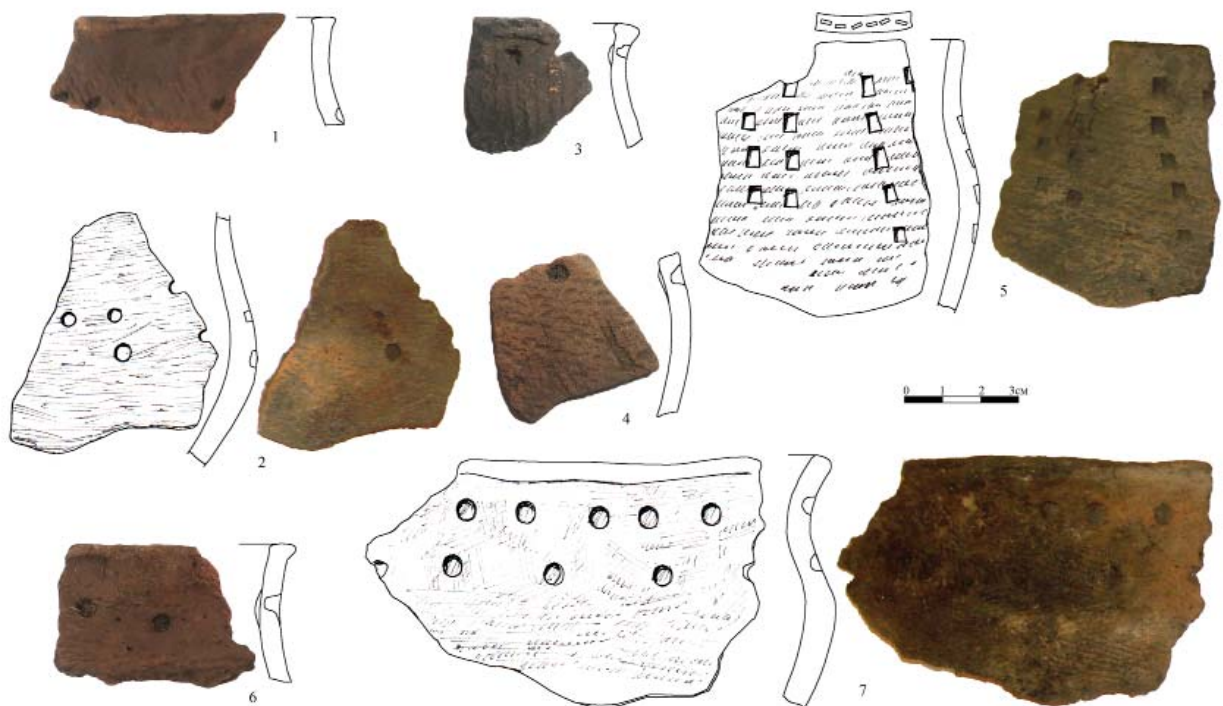

Рис. 27. Сетчатая керамика с «нитчатым» отпечатком.

Рис. 28. Сетчатая керамика с «нитчатым» и «стежковым» отпечатком.

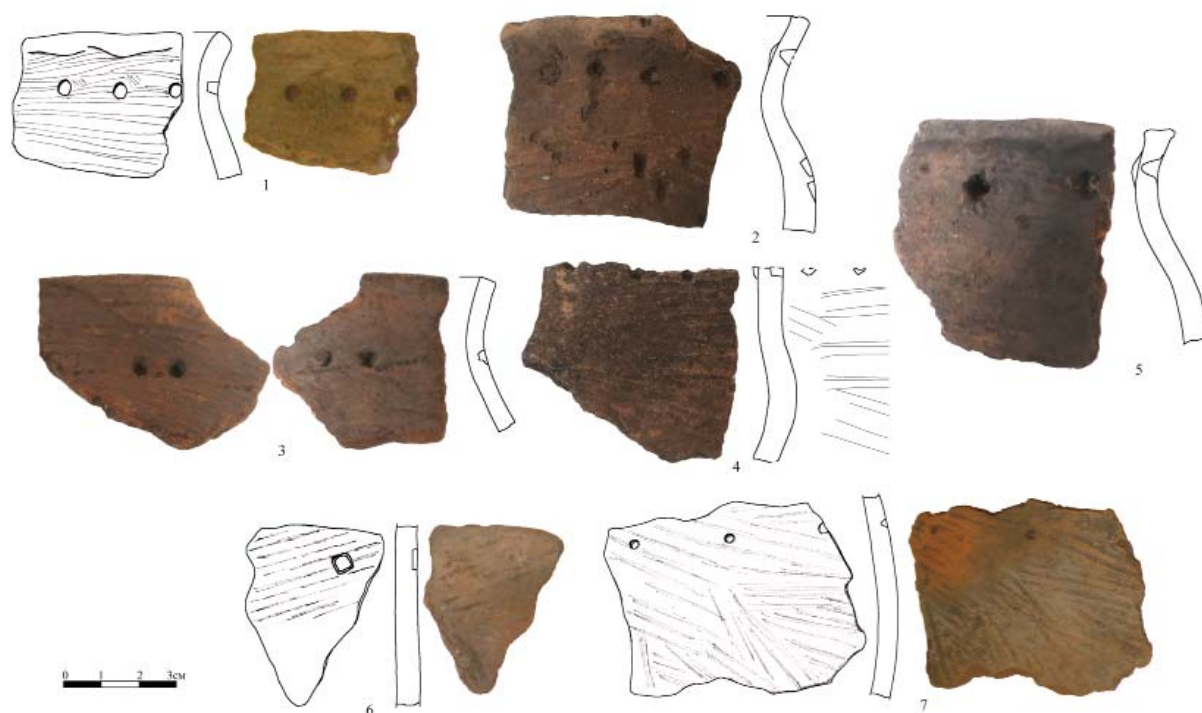

Рис. 29. Штрихованная керамика.

Рис. 30. Штрихованная керамика.

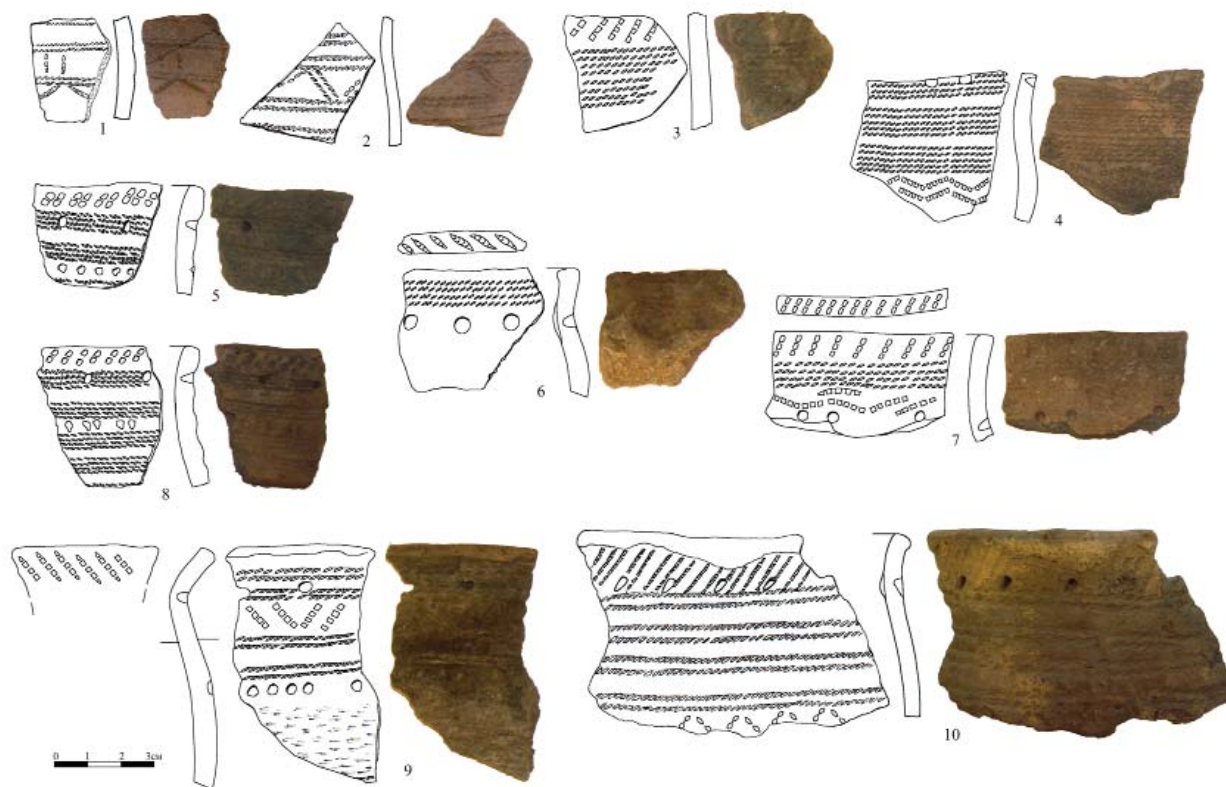

Рис. 31. Гребенчато-шнуровая керамика ананьинской культурно-исторической области и гибридная керамика

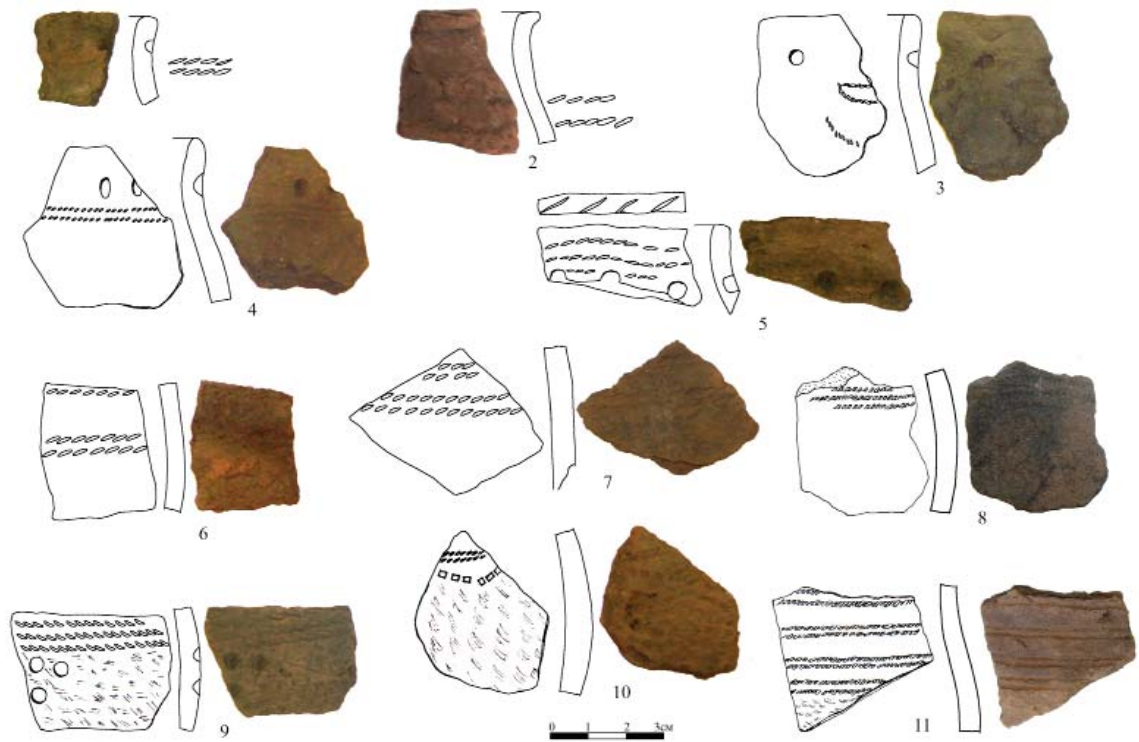

Рис. 32. Гибридная керамика раннего железного века.

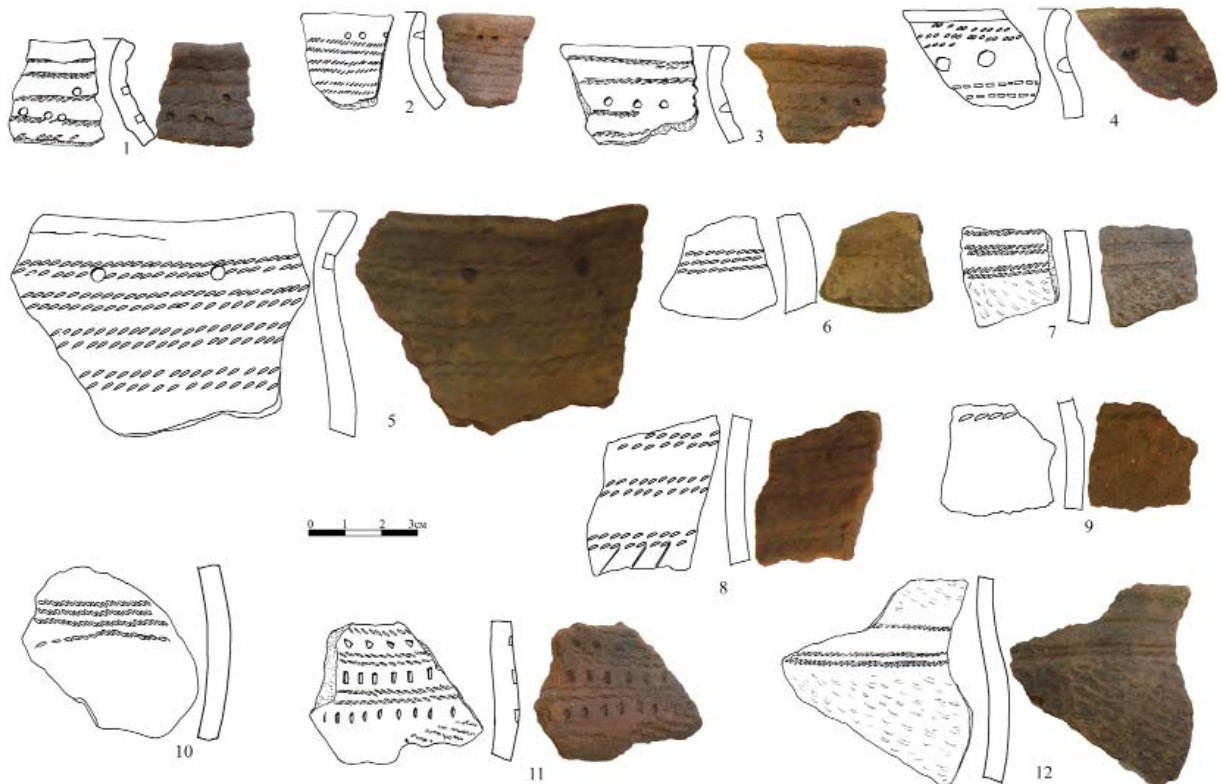

Рис. 33. Гибридная керамика раннего железного века.

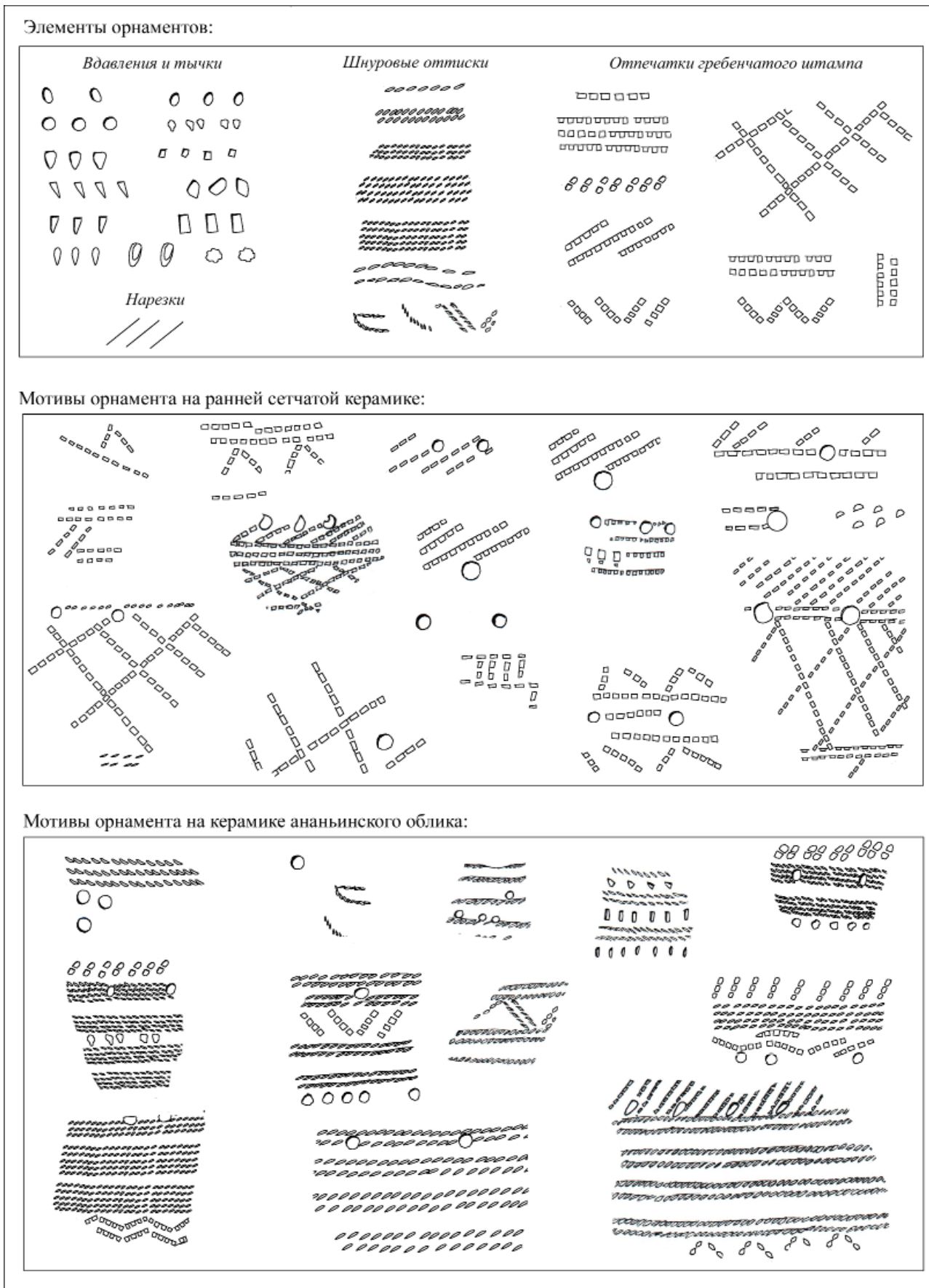

Рис. 34. Орнаменты на керамике позднего периода эпохи бронзы – раннего железного века из городища Брюхово.

Рис. 35. Индивидуальные находки (исследования Новиковой О.В.). 1 – обломок глиняной литейной формы для отливки браслетов; 2 – ручка от льячки (глина); 3 – глиняная литейная форма; 4–5 – керамические диски, 6 – железный нож; 7 – точильный камень; 8–13 – кремневые скребки; 14 – скоблережущее орудие (кость).

Приложение 1.

Гольева А.А., д.г.н., ведущий научный сотрудник
Института географии РАН

Микробиоморфный анализ
В образцах объекта Брюхово был сделан микробиоморфный анализ, позволяющий определить вклад биогенных частиц разного генезиса в общий состав образцов. Анализ проводился по стандартной методике в отделе географии и эволюции почв Института географии РАН. Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Яма

Образцы из ямы во многом схожи: много аморфной органики, растительного детрита. Основным отличием является количество фитоцитов – в нижней части ямы их существенно больше, чем в верхней. Обращает внимание большое количество фитоцитов культурных злаков – они составляют практически треть от всех частиц. Много форм, характерных для мхов и тростника.

Можно предположить, что в яме хранились культурные злаки. Наличие крупного древесного детрита в совокупности с фитоцитами мхов указывает на то, что здесь было что-то типа деревянного короба, где древесина была проложена (проконопачена) мхом. Стебли

тростника могли использоваться в качестве перекрытия. В пользу этого предположения говорит относительно высокое содержание этих частиц не только в нижнем, но и в верхнем образце.

Шурф

Исследована вертикальная колонка образцов. Диагносты повышенного гидроморфизма (панцири диатомовых водорослей и спикулы губок) выявлены лишь в самом верхнем и самом нижнем образцах. Верхний образец перемешан, поэтому присутствие любых частиц может быть случайно. Отсутствие этих частиц в средней части шурфа свидетельствует о том, что за весь длительный период бытования участок не заливался водами. Присутствие гидрофильной биоты в нижних образцах (материке) может указывать на палеоаллювиальный генезис исходной толщи.

Во всей толще много крупного древесного детрита. Особенно выделяется нижняя часть шурфа (50–90 см), где частицы настолько крупные, что можно определить, что значительную часть детрита составляет разложившаяся и горелая древесина хвойных пород

деревьев. Есть и крупный травянистый детрит, который также обуглен.

Количество фитоцитов невелико и резко убывает под культурным слоем (в материке). Это нормально для распределения фитоцитов. Здесь, как и в образцах из ямы, отмечается много фитоцитов культурных злаков и мхов. Особенно это характерно для слоя 65–75 см. Относительно много и фитоцитов тростника.

Можно предположить, что здесь, как и в образцах ямы было что-то из дерева (преимущественно хвойных пород). Вместе с деревом использовался мох. На участке было много соломы и зерна культурных злаков (сарай?). Для перекрытия использовался тростник.

Фиксируются следы пожара. Возможно, после пожара участок был заброшен.

Таблица 1

Сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф

Образец	Детрит	Аморф. орг.	Диатомовые водоросли	Спикулы губок	Фитоциты	Примечание
Яма						
Верх	+++	++	-	-	+	Детрит древесный крупный, обугленный
Низ	+++	++	-	-	+++	
Шурф						
0-30	+++	+++	Ед.	Ед.	++	Детрит древесный (хвойный) и травянистый крупный, обугленный
30-40	+++	+++	-	-	++	
40-50	+++	+++	-	-	+	
50-65	+++	++	-	-	++	
65-75	+++	++	-	-	++	
75-87	+++	++	-	-	+	
87-92	+++	++	Ед.	-	+	
92-100	+	+	-	Ед.	-	

Примечание. Крестиками показано сравнительное содержание микробиоморф: +++ много; ++ средне; + мало; Ед. – единично; - отсутствующ.

Таблица 2

Распределение отдельных групп фитоцитов (%)

Образец	Всего (шт./%)	Диатом// Спикулы (%)	Фитоциты Шт/%	1	2	3	4	5	6	7	8
Яма											
Верх	27/100	-	27/100	40	4	11	4	4	11	15	11
Низ	173/100	-	173/100	18	2	1	1	1	32	17	28
Шурф											
0-30	78/100	1/1//1/1	76/98	36	4	3	17	1	6	12	21
30-40	82/100	-	82/100	37	-	1	4	2	6	6	44
40-50	48/100	-	48/100	49	17	8	-	2	10	6	8
50-65	67/100	-	67/100	18	-	-	4	1	33	11	33
65-75	67/100	-	67/100	15	-	-	3	1	36	7	38
75-87	25/100	-	25/100	32	12	8	12	-	20	-	16
87-92	32/100	1/3\ -	31/97	42	6	10	16	-	13	13	-
92-100	1/100	-//1/100	-								

Примечание. Цифрами показаны следующие растительные ценозы: 1 – двудольные травы; 2 – иглы хвойных; 3 – лесные злаки; 4 – луговые злаки; 5 – степные злаки (сухие луга); 6 – культурные злаки; 7 – тростник; 8 – мхи.